

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ДЕНЬ ПРАХА

Дуэт сыщиков работает великолепно...
Мы следим за мрачными событиями,
затаив дыхание...

Оливье Бюро. Le Parisien

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Жан-Кристоф Гранже

День Праха

Серия «Звезды мирового детектива»

Серия «Пьер Ньеман», книга 3

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63713871

Жан-Кристоф Гранже День Праха:

ISBN 978-5-389-19185-3

Аннотация

Жан-Кристоф Гранже – признанный мэтр европейского детектива, чья громкая литературная слава началась с триллера «Багровые реки» (1998), вскоре блестяще экранизированного. Главный герой – блистательно сыгранный Жаном Рено немногословный полицейский Пьер Ньеман, обладающий вьедливым аналитическим умом, но неуживчивым характером, сразу полюбился зрителям. И вот двадцать лет спустя Гранже решил воскресить легендарного комиссара в романе «Последняя охота» и новом триллере «День Праха».

Под обломками фрески, обрушившейся со свода старинной часовни в Эльзасе, найдено тело мужчины. Часовня издавна принадлежит религиозной общине, представители которой именуют себя Посланниками Господа. По сути, это замкнутая секта, живущая по своим собственным законам, уходящим в

глубь времен. Они чужаются современных гаджетов и прочих достижений цивилизации, одеваются как в восемнадцатом веке, молятся, растят виноград и делают вино, которое славится на всю Европу. Погибший был одним из руководителей общины. Однако у полиции возникают сомнения в том, что его смерть – это результат несчастного случая. В расследование включаются Пьер Ньеман и его молодая помощница Ивана Богданович. И пока Ньеман с помощью местных жандармов ищет улики, Ивана внедряется в ряды поденных рабочих, чтобы во время сбора винограда присмотреться изнутри к странной общине. Тем временем обстановка накаляется, появляются новые жертвы. Но поиски убийцы не сдвинутся с места, пока следователи не ответят на вопросы: откуда во рту погибшего кусок угля и что означают потаенные фрески, обнаруженные под росписями свода мрачной часовни?

Впервые на русском!

Содержание

I	6
1	6
2	13
3	18
4	23
5	27
6	31
7	40
8	43
9	50
10	58
11	63
12	67
13	75
14	82
15	87
16	97
17	104
18	107
19	112
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Жан-Кристоф Гранже

День Праха

Jean-Christophe Grangé

LE JOUR DES CENDRES

Copyright © Editions Albin Michel – Paris 2020

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
& Associates

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с французского Ирины Волевич

Серийное оформление и оформление обложки Вадима
Пожидаева

© И. Я. Волевич, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

I

Виноградник

1

Она знала все основные правила Обители. Во время молитвы быть только в традиционной одежде и чепце. Никогда не притрагиваться ни к какой синтетике. Отказаться от мобильного, компьютера и даже от любых электрических инструментов. Не носить часы и украшения. Не брать в рот пищу, приготовленную где-то помимо Обители. Никогда не заклонять тень другого человека своим телом...

Будучи сезонной работницей, она могла не соблюдать эти правила. Первым делом требовалось одеваться, как положено, для работы. А с шести вечера, когда ее и всех остальных привозили в лагерь Обители, они могли вести нормальный образ жизни, который Посланники Гóспода¹ называли «мирским». Позже черные внедорожники с тонированными стеклами привозили им в лагерь воду и еду, прямо как прокаженным.

---

¹ *Посланники Гóспода* – здесь: одна из сект анабаптизма, отделившегося во времена Реформации от главных течений протестантизма в Германии, Швейцарии и других странах. (Здесь и далее примеч. перев.)

– Ивана, ты идешь или нет?

Она поднялась в машину следом за Марселем. Семь тридцать утра, пора отправляться на работу. Было холодно и темно; грузовики, которые использовали Посланники, всякий раз казались ей вагонами для арестантов, отправляющихся на каторгу.

Ивана поправила чепец и села рядом с Марселем на открытой платформе. Со времени своего приезда, двумя днями раньше, ей удалось поговорить лишь с несколькими сезонниками, и этот оказался самым симпатичным, несмотря на бандитскую внешность.

– Хочешь посмолить?

Он протянул ей пачку табака и тонюсенький листочек бумаги. Ивана молча взяла их и начала сворачивать сигарету, достойную этого названия, что было нелегко: машину сильно трясло и качало. По части одежды она слегка схитрила, надев под черное платье термобелье, – впрочем, эту уловку их наниматели прощали: скорее всего, они тоже носили под своей «униформой» майки и колготы собственного изготовления. Ноябрьская температура в Эльзасе редко поднималась выше десяти градусов. Ивана раскурила сигарету и окинула взглядом окрестности. Виноградники, бесчисленные ряды виноградных лоз, чем-то похожие на дреды, тянулись до самого горизонта. Перед тем как наняться на эту работу, она подробно обследовала местность. Большую ее часть, именуемую Обителью, занимали виноградники. А в центре

территории находился так называемый Диоцез² – фермы и хозяйственные постройки, принадлежавшие Посланникам. Все это было исключительно частной собственностью, и никто из посторонних не имел туда доступа.

Единственным исключением из этого правила был период сбора винограда, когда анабаптисты оказывались в безвыходном положении: чтобы вовремя собрать вручную весь урожай, им приходилось нанимать на две недели сезонных рабочих. Так что – *добро пожаловать, Ивана...*

Она закрыла глаза и отдалась мерным толчкам машины. Сейчас она чувствовала себя почти хорошо. Завтраки в Обители были превосходны – простые, натуральные продукты, как она любила, – а холодный ветерок эльзасских полей приятно обдувал ей лицо.

А ну, встряхнись, старушка! Ты здесь не для того, чтобы тешиться мечтами. Ивана открыла глаза и толкнула в бок Марсея, дремавшего рядом:

– Ты что-нибудь слышал про мертвеца?

– Про какого еще мертвеца? – спросил тот, и, словно вспомнив о сигарке, дымившейся у него в руке, сделал затяжку.

Внешне он был похож на человека, побывавшего в тюрьме. Лет тридцать на вид, бледное, испитое лицо, скверные зубы. И на этом лице, слишком истасканном, чтобы выгля-

---

² Греческое слово «*διοίκησις*» (диоцез) обозначает всю территорию, находящуюся в юрисдикции той или иной поместной церкви.

деть честным, выделялись бегающие глазки, какие бывают у мошенников, мечтающих мирно погреться на солнышке, но почти все время гниющих за решеткой.

– Мне сказали, что в какой-то часовне нашли труп.

– Ага, в часовне Святого Амвросия...

Затянувшись сигаретой, он почти сразу выдыхал дым, словно берег легкие. Верхнюю часть его лица затеняли поля шляпы, полагавшейся сборщикам, – что-то вроде соломенной панамы, которая шла ему, как вязаная шапочка с орнаментом Пабло Эскобару³.

– Так что же там случилось? – настойчиво спросила Ивана.

– А тебе какое дело? Ты что, из полиции?

Ивана заставила себя рассмеяться.

– Нет, но все-таки, что там стряслось?.. – повторила она.

– Ну, дело было неделю назад, – ответил наконец Марсель, – в старой часовне, рядом с Обителью, рухнули подпорки. А этот парень стоял внизу. Он кто-то из важняков в ихней Обители.

– Главный начальник, что ли?

– Главных начальников там нет, а Самуэль был у них как бы епископом. Ну, тем, кто служит мессу.

– И он ничем другим не управлял?

– Я же тебе все сказал. Ты задаешь слишком много вопросов, подруга.

---

³ Пабло Эскобар (1949–1993) – колумбийский наркобарон и террорист.

Грузовик съехал с шоссе на грунтовую обочину, подняв облако пыли. Ряды виноградных лоз вокруг напоминали Иване американские кладбищенские кресты в Сюрене⁴. В раннем детстве ей довелось провести там, по милости социальных служб, много лет.

Внезапно Марсель заговорил снова, теперь уже громче, чтобы перекричать шумные толчки машины:

– Эту часовню сейчас ремонтируют. Похоже, там рухнули деревянные леса, вот все и обвалилось, и Самуэль попал под обломки свода.

– Думаешь, это просто случайность?

Марсель не успел ответить: грузовики остановились. Рабочие молча по очереди спрыгивали наземь. Ивана не могла точно определить, сколько их, – навскидку около шестидесяти, а вместе с анабаптистами, наверно, добрая сотня работников, готовых весь день напролет корячиться на виноградниках. Марсель, конечно, не был надежным источником информации, но все-таки кое-какие слухи до него доходили. По крайней мере, держась рядом с ним, она могла узнать, как сезонники расценивают эту драму. Но это для начала. Разумеется, Ивана предварительно изучила официальное досье. Однако жандармы в Кольмаре знали очень мало. В настоящее время они склонялись к версии несчастного случая, но

---

⁴ *Сюрен* – коммуна во Франции и ближний пригород Парижа, там находится мемориальный комплекс, где похоронены американские солдаты, павшие во время двух мировых войн.

ждали заключения экспертов по строительству. Кроме того, полиция допросила Посланников, но ровно ничего не доби- лась. Те изъяснялись на каком-то заумном языке, одновре- менно и скупом, и напыщенном.

И тогда прокурор Кольмара Филипп Шницлер вызвал к себе их обоих – Пьера Ньемана и Ивану Богданович, един- ственных членов ЦРТП (Центра расследования тяжких пре- ступлений) – специалистов по загадочным убийствам с отяг- чающими обстоятельствами. Только для консультации. И они решили поделить между собой эту задачу: она будет дей- ствовать изнутри, он извне.

Посланники и сезонные рабочие становились на свои ме- ста, иными словами, строились в шеренгу, лицом к вино- градникам, чтобы прослушать утреннюю молитву. Мужчи- ны из Обители были в черных костюмах, белых рубашках и соломенных шляпах; на ногах грубые башмаки на дере- вянной подошве. Их женщины – в платьях из плотной ма- терии, серых фартуках и кружевных чепцах. Издали ана- баптисты походили на американских амишей⁵. Впрочем, и вблизи тоже. Ивана почесала голову (она не переносила эти чепцы) и снова взгляделась в окружающий пейзаж, все более четкий в свете рождавшегося дня; теперь за виноградника- ми вырисовывались эльзасские равнины и леса – какой при-

---

⁵ *Амиши* – закрытая религиозная община анабаптистов (христиан-протестан- тов), которые переселились в Америку, спасаясь от гонений в правление Людо- вика XIV.

ятный сюрприз! Пару месяцев назад по стечению рабочих обстоятельств (довольно мрачных) им довелось побывать в нескольких километрах отсюда, на другом берегу Рейна, в Шварцвальде – Черном лесу.⁶ Ивана ожидала увидеть зловещие сосновые чащи и озера с мертвенно-серой водой, от которых стынет кровь в жилах. Ничего подобного. Весь этот район представлял собой живописную, приветливую, типично французскую сельскую местность. Стояла осень, и древесная листва уже была красной, медно-желтой или просто палой, однако пастбища (Посланники также разводили скот) все еще сохраняли сочную шелковистую зеленую траву.

А виноградники и вовсе сияли непередаваемой красотой. Казалось, их ярко-желтые листья затейливо вырезаны чьей-то искусной рукой. Светлые грозди блестели, как золото, а кожица ягод, хотя и сморщенная, казалось, с трудом сдерживала пьянящий нектар, который уже бродил под ней.

Внезапно какой-то бородач, стоявший напротив них, взял слово, обратившись разом к Богу, к земле и к их покорным слугам, то есть к сезонникам, здесь присутствующим.

---

⁶ Отсылка к предыдущему роману Гранже «Последняя охота».

2

Возблагодарим Господа за землю и небо,
За солнце и дождь, за смену времен года...

Ивана говорила по-немецки, но их хозяева изъяснялись на диалекте шестнадцатого века, не имеющем ничего общего с языком берлинских клубов.

Неизменно услужливые, они снабдили рабочих книжицами с письменным переводом на современный язык молитв, размечавших весь их рабочий день. В этих книжицах указывалось также, в какой момент некоторые фразы следовало произносить хором, притом по-французски.

И никакой пропаганды. Действительно никакой. Они желали только одного – чтобы каждый приобщился к главной истине: плоды их работы – в первую очередь дар Божий. А сборщики винограда – всего лишь посредники между Небесами и землей.

Все повторили хором:

Уповаем на Тебя, Господи, в Тебе надежда наша!

Люди, совершавшие богослужение, ежедневно менялись. В Обители не существовало никакой иерархии. В исключительных случаях Посланники даже позволяли читать молит-

ву кому-нибудь из сезонников.

Возблагодарим Господа за надежду, что Он дарует нам,
Когда мы сеем и пашем
В ожидании урожая.

И все присутствующие снова повторили:

Уповаем на Тебя, Господи, в Тебе надежда наша!

Ивана усердно играла свою роль, исподтишка поглядывая на анабаптистов, стоявших справа, чуть поодаль от шеренги.

Их принадлежность к Обители угадывалась не столько по одежде, сколько по внешности: все они выглядели одинаково или почти одинаково. Бледные лица с тонкими чертами у женщин; круглые, с окладистыми бородками у мужчин, в большинстве своем рыжеволосых.

Они выглядели пришельцами из прошлых веков, из эпохи пионеров Запада или паломников с Востока, тех, кто переплывал океаны, странствовал через пустыни и горы с Библией в одной руке и мотыгой в другой.

Будем молить Господа благословить труды наши
На нивах и виноградниках, на огородах и в садах,
Дабы плоды их дали нам силы
Служить Ему.

Ивана шепотом повторила:

Уповаем на Тебя, Господи, в Тебе надежда наша!

А над их головами разгорался день. Скоро небо засияет лазурью и его свет разольется между рядами виноградных лоз. Иване, с ее тонкой, чувствительной кожей, то и дело приходилось мазаться кремом от загара. Не очень традиционно, зато эффективно.

Она спохватилась, что пропустила одну или две фразы из молитвы. Ладно, не страшно. Рядом с Посланниками она испытывала какое-то опьяняюще чувство, которое даже не требовало слов. Их истовая вера зачаровывала ее. Это глубинное, искреннее убеждение, объединявшее их в единой судьбе... Ей казалось, что у них у всех одинаковая, похожая линия жизни на ладонях.

Приехав сюда, она ожидала увидеть секту религиозных фанатиков, занимавшуюся промывкой мозгов своих адептов. А вместо этого обнаружила искреннее, скромное благочестие, безразличное к мнению окружающих.

Ивана не верила в Бога. Однако после того, как она избежала побоев отца, гонявшегося за ней с домкратом, сербских бомбардировок, смертельных доз наркотика в подвалах и приговора за умышленное убийство (спасибо Ньеману – выручил!), у нее было немало оснований уверовать в высшую силу, которая, невзирая на все эти напасти, пощадила

ее. Но до сих пор она старалась выживать, не раздумывая о том, кто управляет ее судьбой.

Будем молить Господа благословить усилия
Всех, кто делит меж собой
Блага земные...

Да, она им завидовала – завидовала их безмятежным лицам, их глазам, обращенным в душу, их скромной, неприязательной вере. И ей хотелось бы жить, как они, – без колебаний, без тени сомнения... Хотелось лелеять в глубине души счастливое чувство приверженности высшей истине, быть одновременно и примером, и совестью...

В тебе, Господи, все упования наши!

Убийство! – вдруг сказала она себе. *Самуэль Вендинг был убит в часовне, и я это докажу!* Она приняла свое решение, не имея никаких доказательств, никаких сведений, но еще раз мысленно повторила это с яростью и горечью в душе.

– Ты чего, заснула? – спросил Марсель. – Шевелись, подруга!

Ивана поправила чепец, одернула платье и взялась за ручку наплечной корзины.

Вот кем она была на самом деле – злосчастной сыщицей, которая знала только одно средство побороть в себе жалость и умиление: убедиться в верховенстве Зла на этой земле.

– Убийство, – прошептала она еще раз сквозь зубы. – Как
пить дать убийство.

3

Перед приемом на работу Иване устроили собеседование в одном из амбаров. Она сразу откровенно сообщила, что у нее нет никакого опыта и никаких знаний для сбора винограда.

Посланники, верные своей репутации терпеливых и великодушных людей, наняли ее не раздумывая. До начала сбора оставалось всего несколько дней, а эта девушка, пусть и неопытная, выказывала готовность усердно трудиться... Ей вкратце разъяснили суть задачи. Здесь собирали так называемый поздний виноград, выждав, когда он перезреет и приобретет качество, которое называлось «благородной гнильцой». Супер. Из этих агонизирующих ягод, собранных в определенный момент, делали подлинный нектар – крепкий, сладчайший гевюрцтраминер⁷.

Ивана вина не пила, но поверила им на слово. Ей показали, как срезать гроздь с ветки, которая называлась «гребнем». Раз-два – и готово дело. Ничего сложного, только нужно тщательно отбирать грозди, – все дело было в цвете ягод. Те, которые она собирала вот уже два дня – маленькие, сморщенные и темные, – напоминали скорее изюм; они считались самыми лучшими.

---

⁷ *Гевюрцтраминер* – название специального сорта винограда, из которого делают одноименные сепажные белые вина с богатым ароматом.

Девушка скоро освоила правила сбора, работая бок о бок с этими мужчинами и женщинами, одетыми в черное, в дымке утреннего тумана или под холодным осенним солнцем. Стоя на коленях или согнувшись в три погибели, они непрерывно проделывали одно и то же движение, задыхаясь от запаха винограда, ядреного, как масляная краска.

В первый вечер, ложась в постель, Ивана думала, что уже никогда не сможет встать. Проблема заключалась в том, что нужно было постоянно находиться в одной позе – сгибаясь почти до земли; чепец все время съезжал ей на глаза, колени болели неимоверно. Однако уже со второго дня она к этому приспособилась. Вольный, сияющий воздух помогал преодолеть ломоту, а прожилки виноградных листьев нашептывали ей, что нужно быть терпеливой. Она оказалась здесь, чтобы собирать информацию. И значит, пока суд да дело, вполне могла собирать виноград...

Время от времени она приподнимала голову и смотрела на Посланников, работавших поодаль. Они старались не смешиваться с сезонными рабочими и разговаривали с ними преувеличенно мягко, с напускной кротостью. Но тщетно они притворялись смиренными – Ивана явственно чуяла в них скрытое высокомерие, чувство превосходства. Другие – все другие, «миряне» – были для них не чем иным, как духовными уродами, оскорблением Господа.

– А кто же заменит того, умершего? – спросила Ивана у Марсея.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты же сказал, что он был из начальников, значит теперь возглавить секту придется кому-то другому, разве нет?

Марсель замер в рабочей позе: поставив правое колено на землю, согнув левую ногу и опершись на нее левой рукой, а в правой держа секатор лезвием вниз, как заряженный револьвер.

– Во-первых, я тебе никогда не говорил, что Самуэль был начальником. Наоборот, даже объяснил, что в этой Обители нет никаких начальников.

Ивана выбрала в гуще листьев подходящую гроздь, отсекала ее от ветки и забросила в корзину.

– Ну, значит, я тебя не так поняла.

– Вот именно, и потом, я тебе уже сказал: ты задаешь слишком много вопросов.

Ивана почувствовала, что пора дать отпор:

– Может, это оттого, что ты их совсем не задаешь? И считаешь здешнюю ситуацию нормальной – все эти одежки, правила, молитвы? И то, что нас поселили, как зачумленных, в самом глухом углу Обители?

Но Марсель только пожал плечами и защелкал секатором. От нападения он перешел к защите:

– Я уже пять лет тут на них горблюсь. Этот поздний сбор – настоящий фарт. Прекрасный способ подкопить бабла на зиму.

– А их образ жизни тебя не удивляет?

Марсель бережно уложил в корзину срезанные грозди.

– Мое дело собрать виноград и получить башли, вот и все.

Ивана взглянула на свой наряд:

– Но все-таки, вот эти тряпки...

– Для приличия. Я их в этом не виню. Сборщики часто работают задом кверху.

– Даже в ноябре?

– Слушай, ну ты и зануда!

Он выдал это заключение не моргнув глазом, тоном парня, который знает, что на земле бывают такие девушки, ну и бог с ними, ему они на фиг не нужны.

– Значит, тут нет начальников?

– Нет.

– А кто ж тогда командует производством?

– Один тип, его зовут Якоб.

– Тот, что был здесь вчера утром?

Этот низкорослый, но дюжий человек накануне вводил их в курс дела: по времени они укладываются, но снижать темп работы нельзя, до завершения Великого Деяния осталось не больше трех дней!

– Точно. Это он следит за всем процессом, от сбора урожая до розлива по бочкам, чтобы вино состарилось.

Ивана решила больше не настаивать, но Якоб не выходил у нее из головы: этот могучий гном, с его медоточивым голосом и приторной улыбочкой, казался ей грозным диктатором.

А что, если он был соперником Самуэля?

И боролся с ним за власть в общине?

В одном месте лагеря сезонников Ивана заметила дыру в ограде. И решила следующей ночью выбраться наружу, чтобы осмотреть часовню.

После отъезда Иваны Пьер Ньеман собрал документацию и в одиночестве занялся изучением досье в своем парижском офисе. Ему было ненавистно это занятие: в таких ситуациях он всегда чувствовал себя дезертиром, тогда как другие сражались на передовой. И вот наконец в среду, 14 ноября, после обеда, он сел в скорый поезд. Настоящая пытка! Провонявшие сиденья, пассажиры с похоронными минами, развязные контролеры, которые опирались на ваше кресло с таким видом, будто заигрывали с вами в каком-нибудь клубе...

Один из них как раз подошел к Ньеману. Тот, не глядя, сунул ему свой билет, потом откинулся на спинку кресла, – слава богу, ему досталось место в углу вагона, отдельно от других, хоть в этом повезло.

Больше всего Ньемана угнетало направление поездки – Эльзас. Еще одна загадка, которую он никак не мог постичь: их новую бригаду могли направить в любое место Франции, так нате вам – два дела подряд, одно за другим, приводили его почти в одно и то же место. После Шварцвальда, с его мрачными еловыми лесами, – долина Флориваль⁸, с ее виноградниками. Господи спаси!

Всего в нескольких километрах от лачуги его покойных

---

⁸ Долина Флориваль находится во французском регионе Эльзас (деп. Верхний Рейн).

деда с бабкой!

Это было не просто невезение – это было проклятие.

И его виновник носил имя Филипп Шницлер, прокурор города Кольмара, а по совместительству его друг детства. Вернее сказать, они провели энное количество лет на общей скамье школьной галеры. С тех пор они почти не поддерживали отношений, каждый из них жил своей жизнью. И вот наконец Шницлер вдруг вспомнил о школьном товарище в связи с подозрительной смертью в часовне. Что это – случайность, саботаж, убийство? А ну-ка, давайте узнаем, что об этом думает старина Ньеман...

Он бросил взгляд в окно, на пролетающий мимо пейзаж, раздумывая об Иване, которая добровольно вызвалась доставить себе это удовольствие – участие в сборе винограда. Майор не очень-то верил в успех ее внедрения, придуманного в самый последний момент. Сезонников наверняка держат подальше от всех дел Обители, и у его подчиненной почти нет шансов, даже проникнув в их ряды, что-то разузнать у этих Посланников. Тем более за три дня до конца сбора винограда.

Но пока, за неимением лучшего, он снова погрузился в изучение своего досье. Ньеман умел читать между строк и выяснил, что Обитель имеет особый статус в этой долине. Их вино было самым знаменитым в крае, и благодаря ему все обитатели этого района, имевшие прямое или косвенное отношение к общине, жили припеваючи.

Посланникам устроили допрос с пристрастием. В ответ на это они запретили вскрытие умершего, а потом и вовсе закрыли доступ кому бы то ни было на свою территорию. Часовня же стояла за границами их владений, и ничто не препятствовало жандармам рыскать вокруг них. Шницлер все-таки добился разрешения на вскрытие, но этим дело и ограничилось...

Вот уже пять дней, как Самуэль был мертв, а досье жандармерии по-прежнему напоминало скупое меню закуской. Генеральный прокурор своей властью продлил сроки расследования, втайне уповая на последний шанс: дать Ньеману полную свободу действий, чтобы он разворошил это осиное гнездо, не подчиняясь никакому судье.

Но копу было ясно еще одно: если Шницлер обратился к нему, значит он и сам подозревает, что в Обители творятся какие-то темные дела. И смерть Самуэля стала удобной возможностью пролить свет на дела этого анахронического общества, прибегнув к помощи Ньемана с его легендарным чутьем.

Неразборчивый голос из динамика известил пассажиров, что поезд прибывает на вокзал Кольмара, и Ньеман поехал, услышав знакомый акцент диктора Общества железных дорог. *Welcome back home*⁹.

Подхватив свой чемоданчик, он заставил себя настроиться на бодрый лад. Так, словно мысленно собирался с силами.

---

⁹ Добро пожаловать домой (англ.).

Они ему понадобятся, чтобы перенести это второе пребывание на родной земле, слишком хорошо знакомой...

– Ч-ч-черт...

Это ругательство вырвалось у майора на ступеньке вагона, при виде офицера жандармерии, ожидавшего его на перроне. Капитан Стефан Деснос в силу лишней буквы оказался Стефани¹⁰ – женщиной. И, как ни прискорбно, весьма привлекательной.

---

¹⁰ По-французски мужское имя пишется Stéphane, женское – Stéphanie.

Слухи о его отношении к женщинам ходили уже давно. То ли он их не выносил, то ли слишком любил. Одни считали его женоненавистником, другие, наоборот, бабником. Это было и правдой, и неправдой. Все зависело от конкретного момента, и ничего более.

Но зато он держался одного железного принципа – не сотрудничать с бабами. Их присутствие раздражало его именно потому, что он был к ним слишком равнодушен. А при расследовании преступления коп обязан быть холодным и бесстрастным, с головой, свободной от всяких глупостей. Мозг копа – это хранилище редких книг, и нужно постоянно следить за его температурой и гидрометрическим уровнем.

– Майор Пьер Ньеман?

Он молча кивнул. Капитанша, не спросив разрешения, взялась за ручку его чемодана на колесиках, словно хотела сразу показать, какую роль собирается играть в их тандеме. Затем несколько раз повторила свое собственное имя и зашагала по перрону. Ньеман пошел следом, изучая сзади ее фигуру. На вид лет тридцать, далеко не худенькая, более того, вполне аппетитная. Майор сосредоточил внимание на ее бедрах, чем только не обвешанных – настоящая скобяная лавка! – тут и тактический ремень, и кобура из кордуры¹¹, и

---

¹¹ *Кордура* – полиамидная (нейлоновая) тяжелая плотная ткань.

пистолет, и телескопический жезл, и перчатки, и наручники, и запасная обойма...

Но ягодицы под этим грозным арсеналом говорили совсем на другом языке.

Ньеман снова выругался, теперь уже про себя: он рисковал забыть о своей холодной решимости оперативника и эрудиции библиофила...

Женщина бросала на него беглые взгляды через плечо. Казалось, ее озадачила эта фигура: рослый субъект в черном пальто, железные очки, стрижка ежиком и полное отсутствие галантности.

Они подошли к парковке, где их ждал новенький блестящий «рено-меган» с трафаретной надписью на дверцах: «ЖАНДАРМЕРИЯ. НАША РАБОТА – ВАША БЕЗОПАСНОСТЬ». Неудачный слоган, – куда это годится, особенно когда прибываешь с ним на место преступления, где вас уже дожидается клиент в виде хладного трупа.

Стефани Деснос уложила чемодан Ньемана в багажник.
Н-да, плохо дело...

Отлично сложена, но в этой складной, мускулистой фигуре угадывалась чисто женская мягкость, делавшая ее чертовски соблазнительной. Особенно хороша была грудь – округлая, пышная, великолепная. А лицо, довольно банальное, но правильное и ясное, завершало эту гибельную картину – дамочка была опасней гранаты с выдернутой чекой!

Ньеман давно уже разработал свою личную теорию сек-

суального влечения, довольно банальную, хотя его она вполне устраивала. Вождение, как и всякая природная энергия, набирало силу в прямой зависимости от препятствий. Например, учительница вызывала желание именно потому, что представляла власть и мораль. Мундир возбуждал именно потому, что был препятствием вашей похоти. Даже очков иногда бывало достаточно, чтобы раскошегарить мужчину... Так что уж говорить об этой вооруженной до зубов красотке, чьи груди выглядывали из распахнутой куртки, – тут все было предельно ясно.

– Вы меня слушаете или нет?

Ньеман встряхнулся, отбросив раздумья.

– Конечно... Так что вы говорили?

– Я вам объясняла, где находится Бразон.

– Спасибо, я знаю эти края.

Деснос бросила на него суровый взгляд. Она стояла, теребя свой форменный пояс, и, казалось, читала сластолюбивые мысли Ньемана.

– Хотите сесть за руль? – спросила она, наверняка поняв, с каким мачо имеет дело.

– Нет, обойдусь. Ведите сами.

– Куда вы хотите ехать? На почту?

– Нет. В часовню.

– Прямо так сразу?

Ньеман кивнул и сел на пассажирское место.

– А мне сказали, что вас будет двое, – продолжала она,

устраиваясь в водительском кресле.

– Ну вот, как видите, я приехал один.

Перед тем как включить зажигание, Стефани стала, изогнувшись, стаскивать с себя куртку. Ньеман углядел в распахнутом воротах блузку бретельку, а затем верх чашечки белого бюстгалтера, и у него закололо внизу живота так, словно туда воткнулся острый нож.

Чтобы отвлечься, он начал возиться со своим ремнем безопасности.

Пока Деснос выруливала со стоянки, а температура в салоне понижалась, Ньеман пришел к интересному выводу: как ни странно, он, закоренелый женоненавистник, никогда еще не встречал лучших сотрудников, чем женщины, – к примеру, Ивана Богданович, его нынешняя ассистентка, его маленькая славяночка, его рыжая белка...

Эта мысль так согрела ему сердце, что он смог завязать беседу спокойным тоном:

– Расскажите-ка мне о расследовании. На какой вы сейчас стадии?

– К сожалению, ничего нового. Посланники молчат, как воды в рот набрали. Осмотр места преступления ничем не помог, теперь вот ждем экспертов...

И Деснос пустилась в подробное описание общины, лишь бы не молчать.

В шестнадцатом веке анабаптисты, преследуемые в Швейцарии и в Германии, нашли прибежище в Эльзасе. Это были самые разные секты – гуттериты, меннониты, амиши¹², но одни только Посланники Господа остались здесь, на месте, полагая, что Господь сделал им драгоценный подарок – землю, рождавшую это уникальное вино.

В действительности этот участок, простиравшийся на триста гектаров, официально закрепил за ними в семнадцатом веке местный сеньор, тронутый их истовой верой. С того времени они постоянно жили здесь – простые люди в черно-белых одеждах, члены сообщества, которые с точностью метронома производили свой гевюрцтраминер и никому не давали отчета в своих делах.

Теперь машина шла в сторону долины Флориваль, где

---

¹² *Гуттериты* – секта второй волны Реформации, т. н. радикальной реформации, существовавшая с 1528 г. *Меннониты* и *амиши* – отколовшиеся от протестантизма секты, возникшие в конце XVII в. в Голландии. Главное отличие от основных христианских учений в том, что они отрицают крещение в младенчестве, так как считают, что веру нужно принимать в сознательном возрасте.

протекала река Лаух.

Ньеман уже проверил по карте: земли Обители находились в десятке километров к востоку от Бразона, у подножия Гран-Баллона, самой высокой вершины горного массива Возезов.

Погода стояла прекрасная, Ньеман не мог этого отрицать, но солнечный день, уже клонившийся к вечеру, был ему совершенно безразличен.

– Расскажите мне об убийстве, – внезапно прервал он Стефани.

– А кто вам сказал, что это убийство?

– Я прочел, что подпорки, державшие свод, рухнули. В отчете говорится о саботаже.

– Пока в этом нет никакой уверенности.

– А когда будет?

– Неизвестно. Экспертов отозвали...

Ну, все ясно: расследование по-французски. После убийства прошла почти неделя, а они топчутся на месте, как ждут водопроводчика, стоя по щиколотку в воде.

Теперь Ньеман узнавал окружающую местность: они миновали горные склоны, окружавшие Гебвиллер¹³, где производились многие знаменитые вина региона. Сколько раз он колесил по этим дорогам на велосипеде... В те времена о Посланниках говорили боязливым шепотом как о таинствен-

---

¹³ *Гебвиллер* – город и коммуна на северо-востоке Франции в департаменте Верхний Рейн.

ном народе в странных одеждах.

Внезапно впереди показались изгороди, увешанные табличками с одними и теми же словами: «ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ».

– Вот она – Обитель, – объяснила Деснос.

– Не слишком гостеприимно.

– Посланники никого не беспокоят и не хотят, со своей стороны, чтобы беспокоили их.

В голосе Стефани Ньеману послышалась агрессивная нотка, и он понял, на чьей она стороне.

– Почему они сначала отказались от вскрытия?

– Это противоречит их принципам. Они защищают физическую целостность человека. И поэтому отказываются также от переливания крови.

– В досье почти нет протоколов допроса свидетелей. Вы разве не опрашивали тех, кто живет по соседству?

– Да какое там соседство?! Часовня стоит рядом с территорией Обители, и все, к кому мы обращались, отказывались с нами говорить или отвечали уклончиво. И в любом случае не могли подписать протокол.

– Это еще почему?

– Христос сказал в Евангелии от Матфея: «Но да будет слово ваше: „да, да“, „нет, нет“, а что сверх этого, то от лукавого»¹⁴. И эти слова запрещают им давать клятвы.

Одно из двух: либо Деснос и в самом деле досконально

---

¹⁴ Мф. 5: 37.

изучила эту проблему, либо она была сторонницей Посланников.

– Расскажите мне о Самуэле. Я узнал из дела, что он был епископом секты.

– Он отправлял мессы, вот и все.

– Разве он не был их гуру?

– Единственный гуру, которого знают анабаптисты, – это Христос.

Деснос и впрямь прекрасно играла роль посредницы. Тем временем за окном машины мелькали нескончаемые виноградники, по-прежнему огороженные колючей проволокой с табличками «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ».

– Как, по вашему мнению, они отнеслись к смерти Самуэля?

– Со смирением. Им несвойственно причитать и жаловаться. В настоящее время их единственная забота – вовремя закончить сбор винограда, что бы ни случилось.

Ньеман, как типичный коп, невольно ассоциировал сбор винограда с мыслью об отборном вине и прибыли – богатствах, которые Посланники должны были накопить за долгие века.

– Я полагаю, что они также выше материальных соображений?

– Да, конечно. У них никто ничем не владеет. Виноделие управляется кооперативом, доходы идут в фонд Обители.

– А как у них с сексом?

Его спутницу явно возмутил его вопрос.

– Что вы имеете в виду?

– Не притворяйтесь ребенком. В Обители никогда не возникали проблемы на этой почве? Посягательство на малолетних? Жалобы на насилие?

– Нет.

Она ответила тихо, и в ее тоне явственно звучало разочарование. Как будто ей хотелось сказать: «Неужели это и есть великий парижский сыщик?»

Ньеман замолчал. Если в Обители не наблюдалось ни превышения власти, ни финансовых злоупотреблений, значит можно было заранее отбросить и преступления против нравственности, – в общем, с мотивом убийства дело обстояло плохо.

– А зачем Самуэль пошел тем вечером в часовню?

– Он наблюдал за восстановительными работами и бывал там ежедневно.

– Кто обнаружил труп?

– Посланники, той же ночью. Когда он не явился на винный склад, они забеспокоились. Во время сбора винограда все работают круглые сутки.

– В часовне было что украсть?

– Нет.

– Часовня не находится на территории Обители и принадлежит католикам. Так почему же Посланники финансируют ее реставрацию?

– Они купили ее в начале двадцатого века. В их глазах это святое место. На протяжении нескольких столетий они часто укрывались в ней от преследований.

Ньеман решил попозже проверить это.

– Я не получил отчета о вскрытии.

– Нам его только что прислали.

С этими словами она просунула руку между сиденьями и порылась в ранце, лежавшем сзади. Ньеман еще раз углядел краешек белой чашечки бюстгальтера, белоснежного, как пеленка новорожденного.

Он тотчас погрузился в чтение отчета. Увы, новое разочарование. Никогда еще ему не попадался настолько лаконичный документ. Хотя повреждений там хватало. У Самуэля была разбита грудная клетка, распорота брюшная полость. Сломанные ребра проткнули легкие, грудина вонзилась в миокард, тонкий кишечник и ободочная кишка смешались и выпирали над миокардом, расположенные глубже печень и селезенка разорваны.

Никаких подробностей в документе не было. Ни анализа токсиколога, ни комментария по поводу ран.

– Кто писал эту бумажонку? – спросил он, подняв глаза.

– Патрик Циммерман.

– Похоже, ему не часто случается составлять такие рапорты.

– Наверняка не часто. Он педиатр. У него есть диплом судебно-медицинского эксперта, но ему никогда не приходи-

лось делать вскрытие.

– Это что еще за бред?

– Посланники согласились на вскрытие только при условии, что тело Самуэля останется поблизости от Обители.

– Поблизости?

– Доктор Циммерман работает в диспансере Бразона. Вот там он и обследовал труп. Посланники его знают. Время от времени они вызывают его в Обитель – для осмотра их детей. Ему они доверяют.

Все это казалось Ньеману полным абсурдом, но он догадывался, что Шницлер привлек его к этому расследованию именно для того, чтобы он ускорил дело и положил конец кривотолкам.

И Ньеман решил действовать напрямую:

– Вы как будто говорили, что это секта?

– Я ждала от вас этого вопроса.

Стефани прошептала эту фразу саркастическим тоном.

– Ответьте на него.

– Нет и еще раз нет. Эта община существует более пяти веков.

– Время тут ни при чем.

– Я хочу сказать, что ее можно рассматривать просто как побочную ветвь христианства. Во всяком случае, таково мнение Miviludes, комиссии по делам религий.

Это была межминистерская организация, которая наблюдала за религиозными сектами и организациями во Фран-

ции. В ней работали специалисты, прекрасно знавшие свое дело.

– Если сравнить их жизнь с той, что характеризует обычную секту, – добавила Деснос, – то Посланники ни в чем не соответствуют этим критериям.

– Например?

– В секте всегда есть лидер. Здесь, в Обители, его нет. Как нет и погони за деньгами или властью над рядовыми членами. Они живут замкнутой жизнью, мирно и трудолюбиво.

– И никакого прозелитизма?

– Абсолютно никакого. Они обеспечивают себя всем необходимым, изготавливают вино и следуют своим заповедям, не соприкасаясь с внешним миром, вот и все.

Эти слова говорили сами за себя: у Посланников – глубокие, истинные убеждения, у всех остальных – поверхностные интересы и заблуждения.

– Такая жизнь невозможна во Франции в две тысячи двадцатом году, – заключил Ньеман. – Наша страна – правовое государство, и никто не может возвыситься над законами.

Деснос усмехнулась – наверняка ожидала такой сентенции.

– Вы правы. Они делают вид, будто подчиняются французским законам. У них есть официальные фамилии, платежные ведомости. Они платят налоги. Но на самом деле все, что делается внутри кооператива, никогда не выходит наружу. Для этого у них есть свой казначей.

– Вы знаете, как его зовут?

– Якоб.

Ньеман уже собирался задать следующий вопрос, как вдруг заметил на винограднике что-то, привлекшее его внимание.

– Притормозите, пожалуйста.

– Зачем?

– Я сказал: притормозите!

Они были там, на винограднике, за работой, в тусклом свете подступавших сумерек, – около сотни мужчин и женщин, склонившихся над лозами; издали это походило на причудливый балет. Все они были одеты в черное, если не считать нескольких светлых пятен – соломенных шляп и рубашек у мужчин, чепцов и воротничков у женщин. В такое время дня это двухцветие выглядело как-то особенно празднично, – казалось, черные части одежды расшиты блестками, а белые – слегка припорошены снежными кристаллами. Однако сезонники, находившиеся слева, хотя и одетые точно так же, все-таки выглядели иначе, чем их соседи. В большинстве своем еще молодые, они отличались самым разнообразным телосложением, цветом и выражением лиц. И еще татуировками – этим величайшим бичом двадцать первого века.

Ньеман перевел взгляд на Посланников. Картина была одновременно прекрасной, как сон, и четкой, как строчка швейной машинки. Сам не зная почему, он вспомнил картину, увиденную когда-то в музее Орсэ, – «Вечеринку» Жана Бера¹⁵. Светский прием конца девятнадцатого века, где все персонажи щеголяли в черных фраках и светлых вечерних платьях...

---

¹⁵ *Беро Жан* (1848–1935) – французский художник, мастер жанровой живописи.

Почему он вспомнил об этой «суаре», о картине, в которой было все, что отвергали анабаптисты?

И внезапно он понял причину. Эта сценка, такая мирная, так умело срежиссированная, была воплощением самой идеи труда. Здесь царил дух спокойного праздника, скромной ритуальной церемонии, скрытой радости...

Ньеман уже видел несколько фотографий Посланников, но эта реальная картина выявляла то, что снимки позволяли только смутно угадывать: их мир был совершенно иным; казалось, он создан из другой материи, наделен другим духом. Даже здешние листья, виноградные лозы и земля выглядели более свежими, более живыми, чем обычно. Даже одежда казалась сшитой из более прочных, более плотных тканей. Даже бороды и волосы выглядели так, словно выросли в другие, стародавние времена.

И тут у него пресеклось дыхание.

Он заметил Ивану, стоявшую на коленях среди лоз. Она находилась в группе сезонников, но вполне могла бы – со своими каштановыми волосами и светлой, как у всех рыжих, кожей – раствориться среди Посланников.

В обычное время помощница Ньемана щеголяла в крутом прикиде – кожаная куртка, джинсы, берцы, – и стоило ей сменить этот наряд, как было ясно: предстоит какое-то дело. Но костюм анабаптистки шел ей на диво. Это простое и вместе с тем праздничное одеяние подчеркивало ее духовную чистоту, тонкость чувств.

Ньеман привык считать ее раскаявшейся грешницей, из тех, что таинственным образом освобождаются от своего тяжелого прошлого при встрече с Богом. Иване случалось убивать. Случалось сидеть на игле, ширяться до полной одури. У нее был ребенок, она его бросила. Но при всем том она была Марией-Магдалиной, которая только ждала случая, чтобы удостоиться спасения.

И вдруг Ньеману почему-то стало страшно. Что, если эта благодная декорация «под старину» – сплошная ложь, красивый фасад, за которым кроются смертоносные замыслы или жуткие тайны? Если с Ивановой случится несчастье, он себе этого не простит.

Ньеман вздрогнул, у него снова стало тяжело на душе. Как будто все его нейроны вдруг получили сплошной отрицательный заряд.

– Поехали! – буркнул он. – Вы что, ночевать здесь собрались?

Сезонники покидали виноградник первыми, дружно садясь в открытые грузовики. Их хозяева шли следом, они ехали в последних машинах. Услышав сигнал к концу работы, Ивана затаилась между лозами и стала выжидать. Посланники объезжали виноградник на лошадях, но, поскольку уже стемнело, славянке не составило особого труда спрятаться под пышной листвой. Из своего убежища она наблюдала, как ее товарищи поднимаются в грузовики, и это снова напомнило ей о «поездах смерти».

Когда взрели моторы, Ивана подошла к машинам. Теперь свободные места остались только в «скотовозках», предназначенных для Посланников. Она встала под луч фары, делая вид, будто оправляет платье, – типа она только отошла пописать.

– Подождите меня!

Задняя машина притормозила. Ивана подбежала к ней, и ей удалось вскарабкаться в кузов. Сидевшие там люди отодвинулись. Любой физический контакт с «мирскими» был им запрещен. Возможно, они считали их неорганическим материалом, таким же как пластик или кевлар.

Грузовик набрал скорость; все взгляды были устремлены на Ивану, севшую на одну из скамеек. Она извинилась неиз-

вестно перед кем в темноте и поджала под себя ноги, как робкая девочка.

– Не бери в голову, – шепнул чей-то голос.

Ивана обернулась и увидела рядом улыбающееся лицо. Женщине было на вид не больше двадцати лет, она идеально соответствовала критериям Обителю: шатенка, светлые брови, бледные, внимательные глаза... Круглое лицо подчеркивало ее молодость.

Ивана наконец перевела дыхание. Она сидела, держа стиснутые руки на коленях, и чувствовала, как навалилась на нее дневная усталость: мышцы ног сводило, пальцы болели, ныли плечи...

– Как ты? Держишься? – участливо спросила соседка, догадавшись о ее изнеможении.

– У меня все тело ломит, – ответила Ивана, – даже не могу сказать, что болит сильнее – руки или ноги...

– Это скоро пройдет, вот увидишь. Но в нынешнем сезоне ты еще не успеешь привыкнуть.

– Да, к сожалению.

Ивану удивил собственный ответ: в эту минуту она говорила искренне.

– Огонек найдется? – спросила женщина, сунув в рот сигарету.

Ивана всегда носила в кармане зажигалку «Zippo», которую ей оставили, поскольку она была механической. Она щелкнула ею и поднесла к лицу соседки.

Зажигалка ярче высветила черты женщины. Брови, выгнутые дугой, словно в каком-то таинственном возмущении или в непомерной гордости, изящный носик и чувственные, великолепного рисунка губы. Типично итальянская красота, хотя каштановые волосы и молочный цвет лица скорее подошли бы датчанке. В общем, сочетание Средиземноморья и Балтики.

– Тебя как зовут?

– Ивана.

Обманывать было бесполезно. По приезде она заполнила карточку, указав свое подлинное имя. Она знала, что Посланники собирали сведения о рабочих для проформы, они относились с полным безразличием к французской администрации и соцсетям, считая их работу пустым времяпрепровождением «мирян».

– А тебя?

– Рашель.

Голос женщины, чистый, слегка насмешливый, напоминал журчание узенького, но непокорного ручейка, струящегося в лесу между камнями и мхами.

– А мне можно свернуть сигаретку?

Ивана уже заметила, что Рашель курит самокрутку. Та порылась в кармане фартука и извлекла оттуда листочек папиросной бумаги и табак-самосад в полотняном мешочке.

– Что это за табак?

– Эльзасский. Его здесь выращивают.

– Правда?

Рашель улыбнулась, словно положила штришок краски на белый лист.

– Мы же тут живем наособицу.

Ивана в несколько секунд свернула самокрутку; табак был светлый, шелковистый, похожий на саму Рашель. Она закурила и несколько минут сидела молча, подставляя лицо ветру.

Это был какой-то особенный миг: она наслаждалась приятной вечерней прохладой, но главное – радовалась своей удаче.

Проникнув в окружение анабаптистов и познакомившись с этой открытой женщиной, что пожирала ее глазами, она сделала гигантский шаг к раскрытию тайны.

– Удивляюсь, как это они тебя наняли всего на несколько дней, – заметила Рашель.

– Люди, которые меня принимали, показались мне очень доброжелательными. Я им объяснила свое положение.

– А какое у тебя положение?

Ивана затянулась сигаретой, прежде чем соврать:

– Ни работы, ни жилья, ни башлей.

Рашель сочувственно закивала, распрямилась, выгнула спину и откинула назад свою круглую головку с густыми волосами, забранными под чепчик. Потом схватила Ивану за левую руку, ту, в которой не было сигареты. Ивану вздрогнула: Рашель нарушила закон Обители – никаких физических

контактов с «мирянами».

– Судя по твоим пальцам, у тебя маловато опыта, верно?

– Вообще никакого! – призналась Ивана. – Тем более здорово, что они меня наняли.

– Вот и еще одно благое деяние в наш актив!

– Да, вы не бойтесь безнадежных случаев!

Они дружно прыснули со смеху, и Ивана поняла еще одно: когда Рашель смеялась, она словно раскрывала некую тайну. Ее лицо вспыхивало, утрачивая тяжкую серьезность. А смех обнажал белоснежные зубы, чуточку выступающие вперед, что и объясняло слегка выпяченные губы.

– Я прямо не знала, куда мне податься, – продолжала Ивана еще более унылым тоном, увлекшись собственной выдумкой. – Пробовала найти работу в кафешках своего квартала, но им обслуга не требовалась. Вот я и решила попытаться счастья здесь.

– Но почему в этой сельской местности? Ты выглядишь скорее как городская девушка.

– А я и есть городская, родилась в Париже. Но для приезда сюда у меня была причина... личная причина.

– Какая же?

Ивана сделала вид, что колеблется. Но Рашель слегка подтолкнула ее локтем. Судя по всему, она и впрямь не боялась касаться этой пришельцы из внешнего мира.

– Парень... – шепнула славянка, прижав палец к губам.

Рашель снова улыбнулась, но на этот раз как-то смущен-

но. Видимо, Ивана зашла слишком далеко. Обе умолкли и продолжали курить, сидя рядышком; остальные уже потеряли к ним интерес. Ивановой завладела какая-то томительная усталость, ей вдруг захотелось положить голову на плечо своей соседки и покемарить.

Впервые она потеряла бдительность. Прежде, даже притворяясь любезной, она была воплощением внимания и недоверия.

– Тебе скоро выходить, – шепнула Рашель. Ивана вздрогнула: оказывается, она и впрямь задремала, прижавшись к своей новой подруге. Девушка внимательно посмотрела на анабаптистку. Странное дело: за несколько минут Рашель удалось усыпить ее бдительность. Такое обаяние было почти... опасным.

– А вы сами где ночуете? – спросила она, протирая глаза.

– Южнее, в Диоцезе.

– Значит, вы сделали крюк, чтобы меня подвезти?

– Мы всегда рады оказать услугу, ты разве не заметила?

Ивану больше всего удивило, что никто из Посланников не постучал в кабину шофера с просьбой доставить ее на место.

В ночной тьме замаячили огни лагеря сезонников.

– Увидимся завтра, – тихо сказала Рашель.

– Спасибо, что подвезли.

В ответ анабаптистка сжала ее руку.

– А я думала, вам запрещено прикасаться к мирянам.

– Есть правила, и есть исключения. В такую минуту чувство симпатии, доверия позволяет и нарушить закон.

Эти слова смутили Ивану. Но еще больше ее смутило это лицо – невинное, простодушное – и трогательное душу. Сквозь выражение твердости на нем проступило что-то чистое, искреннее, выразившее душевную незащищенность.

Часовня Святого Амвросия стояла на взгорке, примерно в километре к северо-востоку от Обители. Грунтовая дорога вела к зданию, которое выглядело в ночной тьме как черное пятно на темной ткани. Или наоборот. Словом, темное на темном.

Этот мрачный уголок навевал Ньеману множество воспоминаний. После стольких лет велосипедные прогулки на пару с братом все еще были живы в его памяти, вьевшиеся в нее, как мелкие осколки стекла в кожу. Их торопливые возвращения домой до наступления темноты – часа ночных чудовищ, наводящего жуть. Мальчишки изо всех сил жали на педали, со смесью возбуждения и страха. Тогда он еще не знал, что настоящая опасность находится рядом с ним. Его братишка-шизофреник очень скоро проявил свою истинную натуру.

– Все в порядке?

Видимо, Деснос почувствовала, что у Ньемана упало настроение.

– В порядке, – ответил он, стараясь говорить спокойно, и вышел из машины.

Часовня, обращенная фасадом к востоку, имела метров тридцать в длину; как и большинство местных церквей, она была сложена из вогезского песчаника. Ни колокольни, ни

витражей. Ее можно было принять за обыкновенную ферму, если бы не два контрфорса той же высоты, что и трансепт¹⁶, придававших зданию форму приземистого креста.

Ньеман посмотрел наверх. Даже сейчас, ночью, можно было убедиться в плачевном состоянии кровли. Ничего удивительного, что она рухнула, убив человека.

Он обошел вокруг здания и констатировал, что никаких мер предосторожности не было принято: ни лент ограждения, ни печатей на двери. Но все же предпочел смолчать: сегодня он уже и без того достаточно ворчал. Впрочем, ничто не говорило о том, что здесь имело место преступление. Во всяком случае, пока не говорило. Внутри не оказалось никаких предметов культа, если не считать каменного алтаря. Все пространство часовни занимали два ряда высоченных лесов, между которыми был оставлен узкий проход. Слева они заканчивались примерно в метре от потолка и были затянуты пленкой. Зато справа, напротив, такие же леса подпирали остатки кровли, которая частично обрушилась; там зияла огромная дыра, в которой виднелось небо.

Ньеман сделал несколько шагов. Теперь ему полегчало. Эта часовенка тронула его. Ее простота и картина разорения чем-то соответствовали его представлениям о христианском культе. В его глазах вера в Христа ассоциировалась в первую

---

¹⁶ *Контрфорс* – вертикальная конструкция, предназначенная для усиления несущей стены. *Трансепт* – поперечный неф в базиликальных и крестообразных по плану храмах.

очередь со скромностью и великодушием. Не так уж далеко от кредо анабаптистов.

В часовне явно прибирали: он не увидел никаких обломков и мусора.

– А где фрагменты кровли? – спросил он.

– Наверно, их сложили в надежном месте.

– В надежном месте?

Деснос не ответила. Ньеман поднял глаза. Фрески, оставшиеся нетронутыми (он уже знал, что они относились к восемнадцатому веку), выглядели довольно убого; на одной фигурировал святой Христофор, несущий на криво написанном плече младенца Иисуса, изображенного ничуть не лучше. Дальше стоял святой Себастьян, утыканный стрелами; при этом ни его поза, ни лицо не выражали никакого страдания, – казалось, мученику глубоко наплевать на все это. Прочие изображения, видимые между алюминиевыми подпорками, казались окутанными какой-то белесой дымкой.

– Эти фрески не имеют особой художественной ценности, – подтвердила Стефани. – Их писали наспех, во время реконструкции часовни в тысяча семьсот двадцать первом году, а потом грянула Революция, религиозные обряды были запрещены, и в течение последующего века часовня служила местным крестьянам стойлом для скота.

Ньеман еще раз оглядел брешь в своде. Ее края держались на металлических стойках, между которыми был натянут пластик, чтобы защитить внутреннее пространство от

дождя. Ньеман подумал об экспертах, которые все никак не приезжали: интересно, на чем они будут основывать свой анализ «несчастливого случая»?

– Разрушенная фреска представляла собой Рождество Господне и проповедь птицам¹⁷. Я покажу вам фотографии.

– Я их уже видел.

В глубине часовни, на куполе над хорами, был изображен Христос, вершивший Страшный суд. Вокруг него сидели Святая Дева, апостолы и несколько мучеников. По правую руку Христа архангел Михаил взвешивал на весах души умерших...

Ньеман внимательно осмотрел дыры в стенах, где прежде, видимо, были витражи. Сейчас проемы тоже прикрывала прозрачная пленка, натянутая на рамы.

– Вам известно, что было изображено на этих витражах?

– Нет. Часовня ведь была заброшена.

Ньеман обернулся. Стефани стояла в центральном проходе, в позе, которую она, видимо, предпочитала всем остальным: расставленные ноги прочно впечатаны в пол, руки теребят форменный пояс, обвешанный оружием.

– Я вот чего не понимаю, – продолжал он, подходя к ней. – Посланники Господа отрицают религиозные обряды, отправляют свои мессы в амбарах...

---

¹⁷ Великий католический святой Франциск Ассизский (1181–1226) называл птиц и зверей своими братьями и сестрами, разговаривал с ними и даже проповедовал им, призывая любить и славить Господа. Этот сюжет многократно находил отражение в живописи.

– Именно так.

– Тогда к чему эта реставрация? Зачем так заботиться о сохранности места, которое не имеет никакого отношения к их культуре?

– Я вам уже говорила: эта часовня несколько раз спасала их. В начале прошлого века они ее выкупили и начали кое-как приводить в порядок. Вот и сейчас решили возобновить реставрацию. Думаю, они хотят устроить здесь музей.

– Какого рода музей?

– Ну, место, где рассказывалось бы про историю их жизни в Эльзасе и, в частности, о притеснениях, которым они подвергались. Посланники всё прощают, но никогда ничего не забывают. Их вторая настольная книга после Библии – это каталог мучеников, с подробным описанием их страданий.

– Супер! Наверно, приятно почитать на ночь, чтобы крепче спать.

Стефани Деснос шагнула к нему, давая по пути осколки гипса:

– Майор...¹⁸ я могу спросить: с чего вы собираетесь начать свою работу? Я имею в виду... продолжение расследования.

– А у меня такое впечатление, что оно еще и не начиналось. Например: кто позволил открыть место происшествия?

– Прокурор.

Ньеман прекрасно помнил жизненный девиз Шницлера:

---

¹⁸ Командный состав Национальной полиции Франции включает звания от кур-санта-лейтенанта до майора. Ньеман – комиссар полиции в звании майора.

«Вперед, отступаем!» Его понимание дела сводилось к одному: максимально избегать неприятностей. Особенно когда эти «неприятности» носили соломенные шляпы и изъяснялись на давно забытом старонемецком наречии.

– Я полагаю, работы скоро должны возобновиться?

– Да, как только эксперты проведут свое обследование.

Ньеман хлопнул в ладоши. Ладно: играть, так играть с удовольствием.

– Прекрасно! Вам нужно будет вызвать сюда как можно скорее бригаду жандармов, чтобы они огородили все это хозяйство. Я не желаю, чтобы здесь слонялась всякая шушера.

– Простите?

– Вы меня поняли? Сюда больше никто не должен заходить до тех пор, пока мы не выясним, имело ли здесь место преступление или нет.

– Но прокурор...

– Прокурор продлил нам время расследования. У нас есть целая неделя, чтобы допрашивать, реквизировать, обыскивать и делать все, что угодно, у Посланников и в других местах, ни у кого не спрашивая дозволения.

– Но нужно, по крайней мере, поставить в известность Якоба.

– Ставьте в известность кого хотите, но первым делом нужно срочно вызвать сюда жандармов из Кольмара или Мюлуза. А заодно позвоните в лабораторию Страсбурга, и пусть нам пришлют спецов по расследованию убийств из

ТІС¹⁹.

– Но... ничто не указывает на то, что это было убийство.

– Я не хочу изображать перед вами старого опытного детектива, но при таком расследовании лучше все-таки сперва задать вопрос, прежде чем давать ответ. Так что давайте-ка перестанем ходить вокруг да около и попробуем работать по моему методу.

Стефани, по-прежнему теребя свой пояс, подошла ближе:

– И в чем же он заключается, ваш метод?

– Исходить из предположения, что имело место убийство.

Мой опыт непреложно доказывает, что, предположив худшее, почти всегда избегаешь ошибки. Отсюда вывод: мне нужны съемка местности, отпечатки пальцев, слепки, образцы почвы и все прочие, опрос местных жителей и так далее, – ну, все это вам известно. В общем, я на вас надеюсь...

Увы, благие намерения у Ньемана долго не задерживались. Его натуре не были свойственны ни кротость, ни хорошее настроение. Да, они, конечно, будут работать по его системе. Выжимать информацию из людей, оскорблять их религиозные чувства, изучать слухи и возиться в этом дерьме до тех пор, пока что-нибудь не раскопают. А если не раскопают ничего – действительно ничего, тогда придется ему сваливать отсюда в поисках новых горизонтов, еще более мрачных.

---

¹⁹ ТІС (фр. Technologies de l'Information et de la Communication) – Технологическая система информации и коммуникаций.

– И последнее, – сказал он, облокотившись на перекладину подмостков. – Я не желаю видеть здесь ни одного журнала.

– Журналисты вольны делать все, что хотят.

– У вас – может быть, но не у меня. Первый же, кто тут нарисуетя, получит от меня пинок под зад. А если заупрямится, то расстреляю к чертовой бабушке.

– Вы настолько...

– Что «насколько»? Как в семидесятые-восемидесятые годы?²⁰ – И, не ожидая ее ответа, перешел на «ты»: – Вот увидишь – ты в конце концов оценишь мой винтажный метод...

И в этот момент дверь часовни скрипнула. Ньеман рефлексивно дернулся и, обернувшись, увидел в тени входной ниши маленького садового гнома.

---

²⁰ Эти годы характеризуются острыми социально-политическими противоречиями между правительством и народом Франции, митингами, забастовками и ответными репрессиями со стороны властей.

Разумеется, Посланник. И в общем, не такой уж маленький. Черные брюки из плотной ткани, безупречно-белая рубашка, широкие подтяжки, видные между лапами расстегнутого пиджака, сшитого из такой жесткой материи, что, казалось, поставь его – и он не упадет. Довершала эту картину шляпа.

Член общины, настоящий – нет, более чем настоящий. Аура спокойствия и обаяния сияла над ним, как нимб.

– Здравствуйте, Якоб, – с улыбкой сказала Деснос.

Подойдя к нему, она указала на Ньемана жестом, в котором вдруг проглянуло почтение:

– Разрешите представить вам майора...

– Я знаю, – прервал ее человек со сладкой улыбкой. – Нам уже сообщили.

Ньеман сдержался и не стал спрашивать, кто же это тут информирует местное сарафанное радио. Он пожал карлику руку, и ему показалось, что он взялся за старинный рубанок.

Якоб отступил и тотчас принял позу сосредоточенности: составил вместе ноги, сложил руки, прикрыв ими ширинку, склонил голову. Похоже, он исподтишка ухмылялся в бороду. Рыжие волосы, красное лицо, широкие плечи – от него веяло силой, мощью, надежно спрятанной за насмешливой миной и церемонными манерами.

Интересно, сколько ему лет? Трудно было определить. Кажалось, его облик сформировался годам к тридцати и с тех пор не претерпел никаких изменений. Наверно, и умрет таким же, ничуть не постарев, с тем же лицом и в той же шляпе. Наконец он заговорил:

– Майор, боюсь, вы напрасно совершили свое путешествие.

Скрыв удивление (карлик говорил по-французски так натужно, будто копал заледеневшую землю), Ньеман бросил взгляд на Стефани: что еще за сюрприз преподнесет им эта карикатура на человека?

Тот вынул из кармана пачку печатных страниц и медленно расправил их:

– Нынче утром я получил отчет экспертов. Они удостоверяют, что обрушение свода было спровоцировано испарениями с виноградника. Какая-то химическая реакция взаимодействия штукатурки с песчаником – я так и не смог разобраться в сути. Но в любом случае здесь не было ни злого умысла, ни небрежного обращения со стороны людей.

Ньеман схватил документ и прочел несколько строк. Технический жаргон для спецов.

– Каких экспертов вы имеете в виду? – спросил он, подняв глаза.

– Экспертов нашей страховой компании. Нам пришлось действовать без промедления. Они прибыли сюда еще до того, как были убраны обломки и поставлены на место леса.

Мы сочли, что будет эффективнее доверить эту задачу...

Ньеман испепелил взглядом Стефани Деснос:

– Это что еще за бардак?

Но та и сама смотрела на него с изумлением и явно была не в курсе.

– Успокойтесь, майор, – мягко сказал Якоб. – Наши эксперты считаются лучшими из лучших. Это именно они утвердили наши технические планы укрепления свода и...

Разъяренный Ньеман шагнул к нему. Знаменательный факт: гном не отступил. И майор в мгновенном озарении понял, что запугать этих пацифистов невозможно. После долгих лет репрессий, пыток и зверств они уже ничего не боялись, словно получили прививку от страха.

– Слушайте меня внимательно, – отчеканил Ньеман, стараясь говорить спокойно. – Я приехал из Парижа, чтобы расследовать преступление, и, каковы бы ни были отчеты ваших спецов, мы доведем нашу миссию до конца.

Якоб усердно кивал; он не доставал Ньеману даже до плеча, и полицейский невольно вспомнил о хоббитах – маленьких человечках из «Властелина Колец».

– Мне понятна ваша профессиональная добросовестность, но я уже навел справки: эта экспертиза имеет силу законного постановления, и, по моему мнению, мы могли бы сэкономить много времени и денег, если...

– Вы, наверно, плохо меня поняли. Мы имеем дело со смертью человека, и я здесь нахожусь для того, чтобы про-

лить свет на его гибель. Поверьте мне, это дело будет закрыто не вашими страховщиками, а мной!

– Прекрасно, – смиренно ответил Якоб. – А я, со своей стороны, обращусь к прокурору и...

– Не утруждайте себя понапрасну. И запомните: вплоть до новых распоряжений я не хочу видеть в этой часовне ни одного из ваших парней.

Анабаптист впервые нахмурился, и это мрачное выражение никак не сочеталось с его благостным ликом волхва, смотрящего на младенца Христа в яслях.

– Правда?

– Я никогда не бросаю слов на ветер.

Якоб обернулся к Стефани Деснос:

– Весьма прискорбно. Мы все уладили, чтобы возобновить работы, и уже хотели начинать...

Ньеман тронул его за плечо и наградил лицемерной улыбкой:

– Забудьте о своих проектах, Якоб. И благодарите Небо, что я не опечатал всю вашу Обитель.

Красное лицо Якоба сменило цвет на свекольно-багровый.

– Не богохульствуйте, майор, прошу вас. Мы сделаем все возможное, чтобы помочь правосудию, но взамен я вас попрошу не останавливать сбор винограда. У нас осталось всего...

– Посмотрим...

Ньеман обошел Якоба и направился к двери, не попрощавшись и даже не взглянув на него. Он только что сотворил себе врага в «ином мире», но ничего, как-нибудь он это перенесет.

Подходя широким шагом к машине, он бросил Стефани, которая мелкой рысцой поспешала за ним:

- Мне нужно повидать судебно-медицинского эксперта.
- Какого? Зачем?
- Вам хоть известно, где его найти?
- Я думаю, в Бразоне.
- Поехали туда.

Ньеман помнил Бразон довольно смутно. Да и то лишь по велосипедным прогулкам. Этот город смешивался в его воспоминаниях с другими здешними населенными пунктами. Пешеходная зона в центре, типично эльзасская архитектура – розовые домики, высокие каминные трубы, увенчанные гнездами аистов, более поздние постройки пригорода с грязно-белыми павильонами и унылыми многоэтажками.

– Напрасно вы были с ним так невежливы.

Ньеман не удостоил свою спутницу ответом.

– Они, конечно, люди странные, но законопослушные, – продолжала Деснос, – вы всего можете от них добиться, если будете уважать их правила.

– А вот я тебе так скажу, – ответил он, слегка наклонившись к ней, – эти типы что-то скрывают.

При каждом таком «тыканье» Стефани мигала – нервно, но как-то двусмысленно, словно была и шокирована этой фамильярностью... и польщена.

– Почему? – спросила она.

Ньеман ухмыльнулся – зловещей ухмылкой опытного копа, которого вокруг пальца не обведешь.

– Да уж поверь мне, – прошептал он.

– Не понимаю, кого вы имеете в виду, – возразила она, упрямо цепляясь за это «вы».

– Посланников твоих, кого же еще! Сколько их там живет?

– Трудно сказать... Примерно четыреста.

– А почему не точно? Ты ведь мне уже объяснила, что они изображают законопослушных граждан, с документами о гражданском состоянии, картами медицинского страхования и налоговыми декларациями!

– Это правда. Но на самом деле они могут наговорить что угодно. Например, их женщины рожают тут же, в Обители. И значит, они сами строго контролируют появление новорожденных.

Эти сведения вызывали у Ньемана все большее желание проникнуть в гнездо анабаптистов, увидеть его своими глазами. Но там, на месте, уже была Ивана: она скорее соберет всю необходимую информацию.

– А тебе не приходилось слышать о каких-нибудь внутренних разногласиях у них в Обители?

– Нет. Но повторяю: они живут по принципу автаркии²¹. И узнать, что у них происходит там, за оградой, невозможно. Честно говоря, их жизнь кажется мне мирной и упорядоченной. Кстати, это их ключевые слова – *Ordnung und Gelassenheit*.

– Что означает?..

– «Порядок и спокойствие». Они образуют единую дружную семью. Одинаково одеваются, одинаково живут, одина-

---

²¹ *Автаркия* (самодостаточность) – в современной экономической лексике означает экономику, ориентированную вовнутрь, на саму себя.

ково дышат. В таких условиях трудно с кем-то поссориться – все равно что с самим собой...

– А это еще что? – спросил Ньман.

Впереди, на главной улице, перед ними возникло какое-то странное здание.

– Бразонская больница, – ответила Стефани, сворачивая на парковку. – Она закрылась в восьмидесятых, но там до сих пор располагается диспансер. Им заведует Циммерман.

Типичная архитектура тридцатых годов, с серовато-бежевым фасадом, квадратными колоннами и плоской крышей-террасой. Настенная роспись, окружавшая вход, смутно напоминала росписи залов дворца Порт-Дорэ в Париже²².

Они направились к дверям. Их шаги на гравийной дорожке звучали как маракасы²³. В здании было темно. Не как в заброшенном доме – скорее, как в доме, где поселилось небытие.

– А Циммерман еще здесь? – спросил Ньман, поднимаясь по лестнице, ведущей к дверям. – Он что – занят каким-то другим вскрытием или чем-нибудь еще?

– Я думаю, он и живет в этом здании.

Кованая железная дверь была открыта. В вестибюле царил мрак. Пол, стены и колонны были сплошь вымощены мел-

---

²² Дворец Порт-Дорэ (фр. Palais de la Porte Dorée – «дворец золотых ворот») – построенный в 1931 г. выставочный центр в Париже, в настоящее время там размещается Музей истории эмиграции и тропический аквариум.

²³ Маракасы – один из древнейших музыкальных ударно-шумовых инструментов, издающий характерный шуршащий звук при потряхивании.

кой керамической плиткой телесного цвета. Это покрытие производило именно такое впечатление: будто вы проникли внутрь тела, сплошь в трещинах, готового рассыпаться в прах.

Из вестибюля они прошли во внутренний двор, обведенный открытой галереей. И снова симметричные линии, колонны, фаянс... В самом центре двора находилось длинное огороженное углубление, непонятно чем служившее – то ли бассейном, то ли цветником. В настоящее время это выглядело всего лишь пустым резервуаром с голубой керамической облицовкой, разъеденной сыростью и непогодой.

– Н-да, действительно странное место! – невольно вырвалось у Ньемана, и Деснос утвердительно кивнула. Они вошли в левую галерею и зашагали по ней в ледяной тьме.

Наконец Стефани остановилась перед железной дверью и постучала. На дверной табличке значилось: «Медико-социальный центр Бразона. Пространство „Солидарность“». На стук никто не откликнулся. Она собралась постучать еще раз, когда позади них раздался голос:

– Вы успели вовремя.

Высокий человек лет пятидесяти стоял, наполовину скрытый колонной. Он курил, подняв локоть так, словно держал не сигарету, а рупор.

– Я уже собирался сваливать отсюда, – добавил он.

– Это еще почему? – осведомился Ньеман.

– Да потому.

– Осточертел мне этот вонючий диспансер, я уже двадцать лет здесь оттрубил, а теперь на меня еще и вскрытия навесили!

Доктор Патрик Циммерман провел их в правое крыло здания, в помещение, где он, судя по всему, действительно готовился к отъезду. На полу стоял большой армейский чемодан, куда он начал складывать свои личные вещи, книги, безделушки и медицинские инструменты, сидя на перевернутом ящике. Одновременно он, не умолкая, жаловался и проклинал это гиблое место, пришедшее в полный упадок.

Нужно сказать, что внешность доктора заслуживала внимания: долговязый, облаченный в белый докторский халат, подпоясанный мягким шнуром, точно шлафрок. Его худое, измученное лицо, вероятно, неодолимо привлекало женщин – особенно если они любили проклятых поэтов²⁴. В довершение картины длинная полуседая прядь, ниспадавшая на левый глаз, придавала Циммерману вид романтического пирата.

Но главной оригинальной чертой доктора была его манера курить. Он держал сигарету между безымянным пальцем и

---

²⁴ «Проклятые поэты» – группа непризнанных французских поэтов-символистов второй половины XIX в., таких как Верлен, Бодлер, Рембо, Малларме, Тристан Корбьер и др.

мизинцем, прикрывая лицо остальными, когда затягивался. А между затяжками отрывисто кашлял. Словом, обреченный, но умирающий красиво. Как ни странно, это придавало ему вид сильной или, по крайней мере, героической личности – вылитый капитан, бесстрашно идущий ко дну вместе со своим кораблем.

– Собираетесь работать в другом месте?

– Ни в коем случае! Ухожу на пенсию.

И доктор пустился в рассказ о двадцати годах каторжной работы в этом вонючем диспансере, с нищенской зарплатой, без всякой благодарности со стороны пациентов, местных жителей... Кипя негодованием, он одновременно бережно укладывал в чемодан свои пожитки.

– Пора уступить место молодым! – мрачно заключил он.

Зал, где они находились, также выглядел своеобразно. Носилки, сваленные в кучу, саквояжи, переполненные заржавленными медицинскими инструментами, походные аптечки с полустертыми красными крестами, грязные операционные столы...

Но самым странным было здесь множество тропических растений в горшках, стоявших вдоль стены и подогреваемых старенькими лампочками на прищепках и алюминиевыми рефлекторами... Этим и объяснялась удушливая жара в зале – благодаря ей он не так походил на ледяные морги.

– Я не понял, кто вы по специальности – судебно-медицинский эксперт или педиатр?

– Ни то ни другое. Я врач-терапевт. Но местные жители приводили ко мне своих ребятишек, а у меня где-то завалялся старый медицинский диплом, позволявший практиковать. Самуэлем я согласился заняться только в качестве дружеской услуги.

Теперь Ньеману стало ясно, почему заключение врача выглядело халтурой. Все это было очень подозрительно. Беглое описание трупа, вскрытие, сделанное непрофессионалом: интересно, какова его роль во всем этом бардаке?

– Я внимательно прочел ваш отчет, – сказал он (что было неправдой – он только бегло проглядел его в машине). – Вы как-то невнятно сформулировали там причину смерти.

– Почему это – невнятно? – И Циммерман возмущенно вскочил. – При всем том, что ему свалилось на голову, тело превратилось в кашу. Конечно, я не смог точно указать истинную причину смерти, но там их было хоть отбавляй...

И тут Ньеман задал вопрос, который должен был вконец распалить доктора:

– Вы, кажется, упомянули в отчете о камне во рту убитого?

– Да, именно так.

– И сделали вывод, что это фрагмент потолочного покрытия?

– А что же еще?!

– Я видел фотографию уже очищенного тела. На его лице было лишь несколько синяков. Чем вы объясните, что кости

череп не разбиты?

Врач пожал плечами. Он снова присел над чемоданом, складывая в него тома «Плеяды».

– Я медик, а не специалист по физике масс, – буркнул он. – Скорее всего, рухнувшие обломки свода не попали в нишу, где стоял погибший, и таким образом пощадили его лицо.

– В таком случае почему же у него во рту оказался камень?

Циммерман поднял глаза, взгляд у него был довольно мрачный. Нетрудно было угадать, что он сейчас думает: «Еще один коп, вообразивший себя врачом!»

– Понятия не имею, – пренебрежительно ответил он. – Наверно, осколок, отлетевший от большого камня при падении.

– Возможно, но тогда почему не были повреждены десны и зубы? Ведь в вашем отчете написано, что рот остался нетронутым.

– И это правда. – Врач встал и закурил новую сигарету. – Ну а вы сами что об этом думаете? – спросил он наконец с наигранным интересом.

– Думаю, что сначала Самуэля могли убить и только потом вложили ему в рот камень, перед тем как вызвать обрушение свода, чтобы изобразить несчастный случай.

Циммерман резко выдохнул дым и закашлялся.

– В таком случае почему именно камень? Ведь это свидетельствует об умышленном убийстве, разве нет?

– Может, какое-то послание, предупреждение.

Врач ухмыльнулся. Ответ Ньемана не объяснял этого про-

тиворечия. Зачем скрывать убийство и одновременно подписываться под ним?!

– А этот камень – вы куда его дели?

– Как – куда? Выбросил, и все! – ответил тот с искренним удивлением.

Ньеман метнул взгляд на Деснос, которая стоически пошла в своей парке, держась поодаль.

– То есть вы уничтожили такое важное вещественное доказательство?

– Тело было завалено обломками песчаника. Его отмыли, а их выбросили. Потом мы с моим помощником нашли еще один и тоже выбросили, вот и все. В этом камне не было ничего особенного.

– Ну, это должны были решить полицейские эксперты.

– О чем вы говорите?!

Но майор проигнорировал вопрос и продолжал:

– Вы не заметили на этом куске песчаника следов живописи? Он не мог быть фрагментом фрески?

– Нет. Это был пыльный камешек сантиметров пяти в длину, не больше...

Ньеман сделал короткую, но многозначительную паузу. Этот тип явно врал, но иди пойми, с какой целью!

– Мне сообщили, что Посланники Господа в конечном счете разрешили вскрытие лишь потому, что вы такое уже практиковали.

– В самом деле?

Эта история явно действовала врачу на нервы, и он уже этого не скрывал. Схватив лейку, он начал обрызгивать растения, уделяя каждому по несколько струек. Сейчас он, в своем подпоясанном халате, с сигаретой в зубах, походил на разоренного аристократа с застарелыми маниакальными привычками.

– Вы с ними знаете, не так ли? – настаивал Ньеман.

– Иногда они приводили ко мне своих детишек. Этот диспансер соответствует их критериям.

– То есть?

– Он бесплатный. Сердечное рукопожатие – и можно уходить, получив предписание.

– По поводу каких болезней они с вами консультировались?

– Да по всяким. Бронхиты, ангины... Обычно они справлялись с этим самостоятельно, с помощью отваров из своих растений или еще бог знает чего, но иногда их кустарные снадобья не оказывали желаемого эффекта...

– Вам приходилось когда-нибудь бывать в Диоцезе?

– Пару раз случалось. Для осмотра младенцев.

– И как это происходило?

– Очень странно. Они заводили меня в какой-то огромный пустой амбар. И мать не выпускала младенца из рук даже во время осмотра.

– В таких случаях вы брали плату за свой визит?

– Нет.

– Почему?

– Честно говоря, из-за тамошней атмосферы. Это трудно объяснить, но... когда вы оказываетесь на их территории, то чувствуете, что ваши привычные ценности здесь не имеют хождения...

Стефани Деснос усердно закивала. Они оба смотрели на майора со снисходительным выражением людей, переживших эдакий Near Death Experiment²⁵: «Вам этого не понять».

Ньеман предпочел не настаивать. Эта оранжерейная жара, этот никудышный эскулап с его никудышным отчетом... Внезапно ему все так обрыдло, что он завершил беседу стандартной формулой:

– Прекрасно. Я попрошу вас оставаться в нашем распоряжении.

– А куда это я могу уехать?

– Но вы ведь, кажется, собирались, разве нет?

– Я собрал вещи, но намерен остаться тут еще на некоторое время. Прямо как их виноградник: в конце концов, я тоже пустил здесь корни.

Ньеман ответил дежурной улыбкой. Этот лекарь, с лицом, которое он скрывал за своим казачьим чубом и рукой с сигаретой, мало походил на человека, которому можно доверять.

Выйдя из здания, комиссар и Стефани с облегчением втянули в себя холодный воздух.

– А я не обратила внимания на эту мелочь – камешек во

---

²⁵ Смертельно сложный эксперимент (англ.).

рту.

Ньеман остановился и пристально взглянул на Стефани Деснос. Сейчас, в сумерках, закутанная в свою стеганую куртку и обвешанная оружием, как солдат на передовой, она несколько утратила свою привлекательность. Ничего, это не страшно. При случае он ею еще займется – или не займется. А сейчас ему не до того.

– Этот камешек, – повторил он, – начало расследования. Настоящего расследования, для настоящих копов.

Стефани собралась было ответить, но Ньеман уже сел в «рено». Еще одна упущенная возможность прослыть любезником. Ну и ладно, не страшно.

Может, подвернется другой случай. Или не подвернется.

Фламенко... Ну нет, для нее это уже слишком!

Нестройные аккорды гитар и хриплые голоса действовали так, будто кто-то раздирал ей сердце черными когтями. Но как ни странно, через несколько секунд у нее навернулись слезы на глаза, а горькая печаль, словно кислота, обожгла желудок.

Среди сезонников было немало старых цыган, выглядевших так, будто они только что явились из Сент-Мари-де-ля-Мер²⁶. Каждый вечер, сидя у костров, они разыгрывали «Кармен» на свой лад, словно им была нипочем усталость от дневной работы.

А Ивана, наоборот, едва могла двигаться. Ей казалось, что у нее отнялись руки и ноги, спину не разогнуть, а дышать так трудно, что даже курение стало теперь проблемой. И боль... Боль, которая была и нигде, и везде. Она пронзала ее тело, плясала, бродила по нему, задерживаясь в одном месте, потом обжигала в другом и ни на миг не оставляла ее в покое.

Ивана отошла от группы и побрела к длинным столам, с которых уже убрали посуду. В ночной темноте сезонники выглядели почти комично в своих бесформенных трениках, мятых куртках и вязаных шапках, натянутых до бровей.

---

²⁶ *Сент-Мари-де-ля Мер* – приморский городок на юге Франции, где ежегодно собираются цыгане.

Ивана заметила Марселья, растянувшегося на одной из деревянных скамей, стоявших вокруг стола. Над его лицом плясал розовый огонек: это он затягивался своим «косячком», глядя в небо.

– Дашь курнуть?

Марсель приподнял голову и тотчас же протянул ей самокрутку. При первой затяжке – самой вкусной – она воспарила в звездное небо, так, по крайней мере, ей почудилось. Она давно уже не «смолила» регулярно, но всякий раз, как позволяла себе «забить косяк», испытывала острое наслаждение, в котором неизменно таилась какая-то смутная угроза.

– Что-то мне никак тебя не раскусить, – сказал Марсель, приподнявшись, чтобы забрать у нее сигарету.

– То есть?

Он уселся рядом с ней – прямо два школьника, сбежавших с праздника.

– Ты никогда в жизни не видела виноградную лозу, это и дураку ясно. А если хочешь впарить сезоннику, что ты официантка или вроде того, для начала смени руки.

Ивана бросила взгляд на свои пальцы, ставшие здесь источником ее мучений, и попыталась сглотнуть, но несколько затяжек полностью высушили ей горло.

Нужно было выбрать: ложь или исповедь. Или, еще лучше, что-то среднее. Полуобман – это ведь и полуправда.

– Да, я не сезонница. Я журналистка.

Марсель снова затянулся «косячком». Розовые искры тан-

цевали вокруг его пальцев, как крошечные светящиеся змейки.

– Ладно, – сказал он с полным ртом дыма, – теперь мне все ясно.

– Я пишу статью про Посланников. Редакция заказала мне большой репортаж об их секте, а сейчас единственный подходящий момент, чтобы проникнуть в нее.

– Поздновато ты спохватилась.

Ивана расхохоталась. «Травка» привела ее в состояние блаженства: она уже забалдела.

– В моей газетенке не очень-то разбираются в сроках сбора винограда. Мне просто подфартило, что он проходит так поздно.

– Тут ты права. Как она зовется – твоя газета?

Ивана сунула сложенные ладони между колен и с блаженной улыбкой закивала, изображая одурь. Потом захихикала, как совсем уж обдолбанная:

– А вот это мне запаadlo тебе говорить.

Марсель тоже захихикал в ответ. Ивана представила, как они оба сейчас выглядят со стороны – два психа на скамейке корчатся от смеха. Два прекрасных представителя рода человеческого.

За пределами круга света от костра и переносных светодиодных ламп на них зорко смотрели конные охранники.

– Это связано со смертью Самуэля? – вяло спросил Марсель.

– Нет. Мне поручили репортаж еще раньше.

– Но такой сюжет тоже сгодится, верно? – Голос сезонника внезапно окреп, словно у него во рту остались одни кости да зубы.

– И да и нет. Об этом уже столько кричали все массмедиа. Так что это, скорее, в минус. Разве что мне подвернется какая-то сенсация...

– Ничего тебе не подвернется.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что я горблюсь на них уже шесть сезонов, и если ты надеешься на какую-нибудь свежатинку типа «убийство, замаскированное под несчастный случай», или еще что-нибудь в том же духе, то тебя ждет разочарование.

И тут Ивана, преодолев блаженную конопляную одурь, пришла в себя:

– Ты считаешь, что преступление исключается?

– Посланники не убийцы, это я тебе точно говорю, а я слов на ветер не бросаю. Ни один из них никогда не поднимет руку на своего.

– А если это чужак, не из Обители?

Марсель расхохотался. У него были такие гнилые зубы, что при взгляде на них становилось страшно, как бы один или два пенька не вылетели изо рта.

– Ты хочешь сказать: один из нас?

И он ткнул пальцем в тени людей, собиравшихся ложиться спать. Цыгане наконец угомонились и притихли.

– А почему бы и нет?

– Да я знаю здесь почти всех. И убийц среди них точно не найдешь. Конечно, всякое бывает – и пьяные драки, и схватки из-за баб, но убить Самуэля?.. Для чего, скажи на милость?! Забудь и думать, говорю тебе.

– А может, из-за денег? Если он кому-то задолжал...

В ответ Марсель разразился булькающим смехом:

– Какие тут деньги, они же обходятся без них. Прямо как в «Club Med»²⁷. Да у них в куртках и карманов-то нет!

Он хохотнул над собственной шуткой и положил руку на плечо Иваны. Это не был жест наркомана – Марсель еще не обкурился вконец, хотя своей скрюченной, как ветка ползучего растения, фигурой очень походил на обдолбанного, готового покинуть мир нормальных людей.

– Ладно, пиши свою статейку про Обитель, но забудь о Самуэле, вот тебе мой совет, – пробормотал он. – Через несколько дней объявят официальную версию, и поверь мне, это будет обычная байка про подмостки... которые...

Не договорив, он рухнул на бок и забылся сном. А Ивана ошалело потрясла головой: ей никак не удавалось связно сформулировать хоть какую-то мысль.

Оставив в покое храпевшего Марселя, она неверной походкой направилась к своей палатке. Подумать только: еще сегодня утром она строила планы тайного посещения часов-

---

²⁷ «Club Med» – «Средиземноморский клуб», международный туроператор, владеющий сетью курортов в разных странах.

ни Святого Амвросия... А сейчас ей даже не удалось бы добраться до изгороди. Пройдя полпути, она рухнула лицом в траву какого-то пригорка, перекатилась на спину и, приподнявшись на локтях, стала разглядывать лагерь.

Отсюда ей были видны анабаптисты, прибиравшие после сезонников, ушедших спать, и она ощутила легкую зависть к их неукоснительному усердию и чистоте помыслов.

Будучи сиротой, Ивана никогда не сталкивалась с такими качествами. Когда растешь без родителей, приходится справляться с жизнью по обстоятельствам. Одно дело – большая дружная семья, и совсем другое – приют, похожий на психушку, а потом пара престарелых католиков в качестве приемных родителей... Таким образом, ее личность формировалась по воле случая, а образование напоминало пальто с прорехами, в которые проникал любой ветер... И только работа в полиции указала ей единственно прямую, надежную дорогу, которой она до того не знала.

Вот тут-то она и вспомнила о Ньемане. Вообще-то, он должен был приехать сегодня, и, по всем правилам, ей следовало ему позвонить. Но мобильник она зарыла в подлеске, в нескольких сотнях метров от Обители.

При одной мысли о том, что придется вылезать наружу через дыру в изгороди и блуждать среди ночи по полям, она только усмехнулась. В любом случае ей особенно нечего было ему сообщить.

Так что разумнее всего было пойти спать, чтобы набраться

СИЛ.

Сезонники – и мужчины, и женщины – жили в нескольких больших палатках, расположенных довольно далеко от Обители. Вместе такие палатки представляли собой нечто вроде военного лагеря. В каждой из них стояли в два ряда кровати с соломенными тюфяками, разгороженные полотняными занавесями, чтобы создать иллюзию отдельных помещений.

Большинство работниц уже спало: сборщики винограда бессонницей не страдают. Здесь царил идеальный порядок, что объяснялось категорическим запретом разбрасывать вещи. По окончании рабочего дня сезонникам полагалось принять душ в санитарных блоках-модулях, какие бывают на стройках. При этом «хозяева» забирали их сброшенную рабочую одежду, чтобы выстирать ее (здесь не говорили «продезинфицировать», но именно это и делалось). На следующее утро сборщикам выдавали свежую «униформу», безупречно чистую и выглаженную.

Ну а по ночам все они возвращались к привычному состоянию, похрапывая на соломенных тюфяках, в бесформенных хлопчатобумажных майках и штанах. Ивана разыскала свой бокс и рухнула на постель. Ей чудилось, что ее кости рассыпались по матрасу. Несколько минут она лежала на спине, разглядывая инфракрасные лампочки электрокаминов, расставленных в проходе. Не то индикаторы пожарной

тревоги, не то глаза Сатаны...

Она сомкнула веки, и перед ней возникла Рашель, с ее округлым лицом, с бровями, очерченными одновременно и резко и мягко, как символы ярости и грезы, со светлыми глазами, в которых словно отражался образ собеседника... Она была не просто близка к природе – она была самой природой. Если экологические убеждения Ивана окрашивала недобрая горечь, даже агрессия, то Рашель сроднилась с этими ценностями; молодая женщина, выращенная по правилам разумной агрикультуры, была незнакома с жестокостью... Ивана с улыбкой предавалась этим мыслям, которые утрачивали свою четкость по мере того, как ею завладевал сон.

И наконец явь исчезла.

Теперь она различает шепот, похожий на шуршание пауков в паутине. Открыв глаза, она видит множество Посланников в белых рубахах и шляпах, с рыжими волосами; все они склонились над ней.

Их голоса не умолкают, но губы не шевелятся, а руки тянутся к ней, касаются ее кожи. Ивана пробует пошевелиться, но не может двинуть и пальцем – усталость парализовала все тело. Пальцы, голоса... Теперь она уверена, что это молитвы, какие-то неизвестные псалмы. И вот появляется распорядитель церемонии.

Это зверь с коричневатой мордой, словно вылепленной из глины и усеянной клыками. Да-да, именно так: клыками, но не во рту, а вокруг него. Эти страшные клыки прорывают

кожу около зубастой пасти, обрамляя ее на манер бородки цвета слоновой кости...

И внезапно Ивана понимает слово, которое твердят Посланники:

– *Das Biest... das Biest... das Biest...*²⁸

Внезапно она проснулась от конвульсивного толчка, совсем как Риган, одержимая девочка из «Экзорциста»²⁹. И сразу же закашлялась с ощущением, что ее сейчас вырвет. На лице выступил пот, едкий, холодный пот бывшей наркоманки. *Черт... неужели это от одного-единственного «косяка»? Видать, ты уже старовата для таких глупостей, милочка моя...*

Ивана медленно приходила в себя среди ночного спокойствия палатки, нарушаемого лишь храпом, вздохами и шорохом одеял... Но остатки ее сонного кошмара не исчезли: шепоты все еще звучали.

Ивана яростно поскребла голову, словно пыталась изгнать последние обрывки сна... Тщетно: шепоты не затихали. И звучали они не в ее воображении, а доносились снаружи. Приподнявшись, она стала вслушиваться. Плотная ткань палатки приглушала голоса. Ивана только и смогла различить, что двое мужчин – ибо это были мужчины – говорили по-немецки. Притом на старонемецком, малопонятном языке,

---

²⁸ Зверь, чудовище (нем.).

²⁹ «Экзорцист» (или «Изгоняющий дьявола») – культовый американский фильм ужасов (1973, реж. Уильям Фридкин).

который предпочитали анабаптисты.

Сосредоточившись, Ивана уловила обрывки разговора:

– Зверь там...

– Нет еще.

– Ты же знаешь... его возвращение... предсказано...

Ветер уносил части фраз. Ивана ничего не понимала. Но уловила главное: «Зверь...» Как в ее сне.

Выждав несколько минут, она решилась выйти. Снаружи ее встретил только холод, и ночные звуки, словно застывшие в этом холоде, звонко отдавались у нее в голове.

Она крадучись обогнула палатку и взглянула на заднюю стенку (на то место, откуда до нее донеслись шепотки людей, обсуждавших свою тайну). Никого. Насколько ей помнилось, в их голосах явственно звучал страх...

Das Biest... О ком же они говорили? О библейском звере?³⁰ О каком-то старинном поверье? Или... об убийце Самуэля?

Внезапно Ивана обернулась: ей почудилось чье-то присутствие у себя за спиной. Но тщетно она всматривалась в темноту – там никого не было. И тогда, словно по велению какой-то неведомой силы, она встала на одно колено и приложила ладонь к земле.

Зверь был там, в недрах.

---

³⁰ Самое знаменитое из новозаветных пророчеств – Откровение Иоанна Богослова (Откр. 13: 1, 2, 11–13, 16–18) – об апокалиптическом звере с семью головами, антихристе, который явится в конце человеческой истории, объединит под своей властью все земные государства и сделает все для того, чтобы люди окончательно забыли о Христе.

Ивана поднялась, растерла плечи и свирепо потрясла головой.

Что ж это такое – она провела здесь всего-то три дня и уже наполовину свихнулась!

Девушка скользнула ко входу в палатку, как вдруг ее внимание привлекла странная процессия. Через лагерь двигалась вереница женщин, одетых точно так же, как днем на винограднике, – в черные платьях, фартуках и белых чепцах. Они несли в руках стопки такой же одежды – выстиранной и выглаженной для завтрашней работы. Все они направлялись к санитарным блокам, чтобы оставить ее в большом плетеном коробе с крышкой, специально предусмотренном для этой цели.

Ивана прошла в палатку и еще несколько минут понаблюдала за ними в щель полога. Эти ночные посетительницы лагеря не просто доставляли сюда одежду – они символизировали особое восприятие мира, чистоту нового дня, красоту предстоящего труда.

Невинные существа, воодушевляемые только идеей Добра.

Но вправду ли невинные?

Какой-то внутренний голос шепнул Иване: «Да услышит тебя Господь...»

Ньеман не пошел ужинать. И почувствовал от этого тайное легкое удовлетворение. Каждая пропущенная трапеза, каждая скромная победа в области диеты преисполняла его какой-то дурацкой гордостью. С возрастом он начал полнеть и расценивал это как личное оскорбление. Ему ужасно хотелось подражать садху³¹, которые довольствовались чашкой риса раз в день. Эдакий стоик, отвергающий искушение жратвой. Увы, к сожалению...

Зазвонил мобильник, это была Деснос:

– Мы ждем вас внизу.

Ага, значит, она собрала свою команду. Ньеман встал с кровати, стараясь не смотреть на пожелтевшие обои своего двенадцатиметрового номера, чьим узорам в стиле Жуи³² грозил скорый бесславный конец.

На церемонии открытия OCCS³³ префект ему сказал: «Счастливчик, вы теперь сможете путешествовать по всей Франции!» И вот пожалуйста: единственное путешествие,

³¹ *Садху* – индийские святые, религиозные аскеты или йоги, отрекшиеся от всего мирского ради бесконечной медитации и познания Бога.

³² *Жуи* – местечко под Версалем, где в 1760 г. была основана первая европейская мануфактура набивных тканей с изысканным рисунком.

³³ *OCCS* – Единый кризисный центр, осуществляющий надлежащий прием пострадавших, медицинское лечение, оказание психологической поддержки, юридическую помощь и содействие в реабилитации.

какое сейчас выпало на его долю, – это посещение местного морга. Гастрономические утехы ограничивались сэндвичами, съеденными наспех в машине. А что касается очарования провинциальных городков, то оно заключалось в гнусных гостиничных номерах и трупах, обнаруженных в какой-нибудь канаве.

Честно говоря, Ньемана это вполне устраивало: его интересовали только Зло и Смерть. Остальное он предоставлял обычным людям, предпочитавшим жизнь и старавшимся забыть о смерти. То есть тем, кого он защищал, хотя в реальности плохо переносил их общество.

В ресторанном зале его ожидали несколько жандармов. Молодчики, выряженные в стеганые куртки цвета морской волны, стояли посреди зала с пожухшими стенами, освещенного маленькими лампочками под восково-желтыми абажурами и увешанного мушкетами семнадцатого века...

Стефани представила ему каждого из этих служивых, но их имена звучали так затейливо, что запомнить их все равно было невозможно.

Двое из них явно принадлежали к высшей весовой категории. Двое других то ли недавно закончили свое обучение, то ли недавно его начали. Еще один выглядел готовым пенсионером. И только шестой показался ему годным к службе – усатый служака лет сорока, стандартных габаритов.

– Садитесь, – скомандовал Ньеман так, словно выкрикнул «вольно!».

Жандармы скинули куртки и подтащили стулья к самому большому столу.

– Первым делом нам нужны эксперты, – объявил майор.

– Они приедут завтра утром.

– Прекрасно. Пускай обследуют каждый сантиметр часовни.

– Но...

– Но что?

– Вы же ее видели, как и я. Она была расчищена, осмотрена, и по ней ходили. Я не знаю, что еще там можно...

– Деснос, я тебе уже говорил: перестань давать ответы, прежде чем задать вопрос. Мне нужны отпечатки пальцев, образцы пород камня, слепки. То есть все, чем я смогу озадачить лабораторию в Страсбурге! Возможно, эти анализы что-нибудь и дадут.

Стефани сделала запись в блокноте. Жандармы исподтишка переглядывались.

– Второе: обследование ближнего пространства.

– Что значит «ближнего»? – спросил усатый жандарм.

– Часовни. Мы должны учитывать гипотезу, что этот «несчастный случай» на самом деле убийство, вызванное специально обрушенными подмостками.

Вытаращенные глаза, уставившиеся на него, ровно ничего ему не говорили: скептицизм явно был общим.

– Одно из двух: преступник либо кто-то из Посланников, либо посторонний – сезонник, местный житель... В любом

случае ему пришлось добираться до часовни тем или иным способом – пешком, на велосипеде, в машине, на мотоцикле... Поручаю вам опросить здешних фермеров – тех, кто живет у дороги, тех, кто ездил по департаментскому шоссе в этом временном промежутке. Возможно, кто-то из них что-нибудь видел.

– Но мы уже проделали эту работу, – обиженно заметила Стефани.

– Значит, придется повторить. Ваш отчет пока еще тоньше, чем моя налоговая декларация.

Эти последние слова были встречены ледяным молчанием. Теперь Ньеман ощущал вокруг себя не робость, а скорее зарождающуюся враждебность. Но ему было плевать на это.

– И третье: я хочу, чтобы вы всерьез занялись сезонниками. Их анкетными данными, гражданством, наличием судимости и так далее.

– Это значит отнести к ним как к преступникам.

– Нет, это значит проявить здравомыслие. Мне тут твердят, что анабаптисты против насилия, что у них не могло быть никаких поводов для убийства. Ладно, предположим. Тогда кто остается? Самые близкие к этому месту – сезонники, которые ночуют меньше чем в пятистах метрах от часовни. Значит, стоит покопаться и в этом.

Усатый задал уточняющий вопрос:

– Мы должны допросить всех без исключения?

– Именно так. Проверить и перепроверить их алиби. По-

требовать от кооператива их рабочие карточки.

Жандармы ерзали на своих стульях. Деснос откашлялась.

– В чем дело? – осведомился Ньеман.

– Это будет трудновато – ведь такая операция рискует затянуть сбор винограда.

– Ага, вот спасибо, что напомнили. Я хочу сразу расставить все точки над «и»: погиб человек, это не шутки. И я больше не желаю слышать эти причитания о сборе винограда. Наше расследование важнее всего.

Один из пары толстяков рискнул взять слово. Как ни странно, он говорил без всякого вогезского акцента:

– Предположим, что кто-то из сезонников вызвал разрушения в часовне, но с какой целью? Чтобы убить Самуэля? А зачем?

– Давайте сперва отработаем мои версии и посмотрим, что будет в сухом остатке, – отрезал Ньеман и, прижав к ладони большой палец, растопырил четыре остальных. Четвертый означал следующее распоряжение.

– Потрясите также строителей, пока они тут. О них мы еще не говорили, но на самом деле им было легче всего разрушить леса.

Деснос хотела возразить, что этих людей тоже опросили – и Ньеману это известно, – но воздержалась.

– А вот пятый этап – самый сложный...

И он понизил голос, словно хотел донести до них свою идею как можно деликатнее:

– Нужно вернуться к тому камню во рту и расспросить Посланников.

– Но я вам уже сказала...

– Что они не подписывают свидетельства? Хорошо, тогда убедите их, что это простой разговор.

– Они не будут говорить. Да им и нечего сказать. Мы уже...

– Повидайте близких друзей Самуэля. Я признаю, что все они одним миром мазаны, но все равно у каждого из них должны быть какие-то личные особенности. И еще: я хочу получше разузнать, что собой представлял пострадавший.

– Умерший, – поправила Деснос.

– Хорошо, пусть будет умерший, – согласился Ньеман.

На самом деле он разделял сомнения Стефани: хозяева виноградника не заговорят, а если и заговорят, то лучше бы они смолчали. Но он был здесь главнокомандующим, а значит, ему надлежало верить в победу – и ради себя самого, и ради других.

Будущий пенсионер поднял руку:

– Я знаю, что вы приехали с целью продвинуть расследование, – сказал он, – такая у вас работа, все ясно. Но могу я задать вам вопрос?

– Слушаю.

– Откуда у вас такая уверенность, что это убийство?

Ньеман подумал о камне во рту погибшего. Вроде бы пустяк, но чутье подсказывало ему, что это та самая песчинка,

которая застопорила ход всей машины расследования.

Он обернулся к Деснос, сделав вид, будто перепоручает ей важную миссию:

– Это вам объяснит капитан. – И тотчас же продолжил: – Я также хочу, чтобы вернули на место рухнувшие подмости.

– А зачем? – спросил кто-то.

– Затем, что эксперты наверняка потребуют этого. Кроме того, я надеюсь... Если это действительно преступление, то орудием убийства вполне могла послужить металлическая стойка. А еще нужно, чтобы вы разыскали фрагменты потолочной фрески.

– Но их никто и не прячет!

– Так где же они?

– Наверняка их сложили в надежном месте. Эти фрески очень важны для живущих в Обители.

– Вот именно. И я хочу знать, почему столь посредственное произведение искусства так важно для христиан, отвергающих любую другую религиозную символику.

И Ньеман положил руки на стол – больше ему нечего было отсчитывать.

– Вот так-то. И не забывайте при этом о повседневных задачах. Проверьте, например, не было ли в этом регионе подобных случаев.

Стефани сунула блокнот в карман брюк:

– Вы задали нам немало работы... Завтра утром я распределю обязанности и...

– Нет. Начинайте прямо сейчас.

Семь пар бровей поднялись одновременно. Ньеман послал им улыбочку, которой надеялся изобразить сочувствие:

– Сожалею, ребята, но придется приналечь, чтобы компенсировать потерянное время.

– Вы намекаете на то, что мы плохо работали? – спросила Деснос, и ее щеки запылали, как красные огни светофоров.

– Нет, но вы работали в полной уверенности, что вам нечего искать. Вот почему меня и прислали сюда – чтобы все начать с нуля.

В знак солидарности он проводил их до самой двери отеля. Темная улица Бразона, ледяной ветер, фонари с дрожащими огнями... Все это подтверждало его всегдашнее убеждение: с наступлением ночи провинция наводит на людей преувеличенный страх.

Жандармы уже сели в свой автобус, как вдруг Ньеман окликнул Деснос:

– Я хочу, чтобы ты лично занялась камнем во рту Самуэля. Это, без сомнения, указывает на какой-то ритуал. И нужно разузнать, не было ли других подобных случаев – недавно или за прошедшие века.

– Вы хотите, чтобы я взялась за это сию же минуту?

Ньеман не ответил; ему казалось, что это само собой разумеется.

– Майор... – продолжала она, сурово глядя на него, – вы нам объяснили, каким образом нужно возобновить рассле-

дование; могу ли я, в свою очередь, дать вам совет?

– *Be my guest*³⁴.

– Если бы вы смогли отказаться от ваших замашек мелко-го босса и от своего парижского презрения к провинции, я думаю, это вдохновило бы нас на более интенсивную работу.

– Да я...

– Каждый раз, как вы на нас смотрите или обсуждаете наши действия, у вас такой вид, будто вы вляпались в кучу дерьма.

– Но я...

Стефани шагнула вперед, по-прежнему теребя свой форменный пояс:

– Скажу вам еще кое-что, майор. Хотя я родилась в Гебвиллере, проработала жандармом только восемь лет и ем торт «фламбэ»³⁵ два раза в неделю, я не глупее всех прочих; и если Самуэля действительно прикончили, я наизнанку вывернусь, чтобы арестовать убийцу.

Ньеман расхохотался.

– Когда мы его отловим, ты пригласишь меня разделить с тобой один из них.

– Один из... чего?

– Один из этих «фламбэ».

– Запивая его вином из Обители, – добавила она и одарила

---

³⁴ Буду крайне обязан (*англ.*).

³⁵ «Фламбэ» – торт или сладкий пирог, облитый ромом, который поджигают перед подачей.

Ньемана сияющей улыбкой от уха до уха.

Вернувшись в свой номер, Ньеман увидел на экране мобильного номера Циммермана. Он не слышал его звонка: по какой-то непонятной причине на первом этаже отеля соединение не работало.

Он тотчас перезвонил ему: этот поздний вызов позволял надеяться, что у врача появилась какая-то важная информация.

– Я перечитал свои записи, – начал тот. – И понял, что Самуэль наверняка умер до обрушения кровли.

– Откуда такой вывод?

– Я вспомнил, что на теле было довольно мало крови. И хотя камни сильно повредили грудную клетку, я не нашел и намека на внутреннее кровотечение.

– И вы только сейчас мне об этом говорите?

– Весьма сожалею... Но когда я увидел труп, он представлял собой неразличимую массу, покрытую пылью. Повреждения от обломков кровли были настолько велики... Мне даже в голову не пришло, что смерть могла наступить до этой бойни.

– А вы можете мне назвать реальную причину смерти?

– Если откровенно, никак не могу.

Ньеман понимал, что давить на этого доморощенного судмедэксперта бесполезно.

– Вы можете написать мне рапорт по этому поводу?

– Но... это значит, что я должен обвинить самого себя.

– Вот именно.

Наступила короткая пауза: видимо, врач взвешивал все «за» и «против».

– О'кей. Я это сделаю.

– И пожалуйста, как можно скорее.

Ньеман выключил телефон. Он не испытывал никакой радости от этой первой победы. Все происходило именно так, как он предсказал, но это нельзя было считать хорошей новостью. Убийство. Ритуальное убийство. И это странное противоречие: убийца пытался одновременно и «подписаться» под ним, и закамуфлировать его.

Внезапно он понял, почему не пошел ужинать, и почему его настроение упало до нуля. *Она* не позвонила. Она, Ивана, его верная помощница, его маленькая славяночка... Они не могли заранее точно условиться о связи, но ведь она знала, что он должен приехать сегодня, и надеялся...

Ньеман взял досье, которое ему составили в Париже. Спать он все равно не мог. Так лучше уж посидеть с открытыми глазами, чтобы дополнить это досье и побольше разузнать о секте.

На самом деле он уже знал историю анабаптистов. Знал о ее протестантском периоде – или, по крайней мере, попытке приобщиться к протестантству – и много читал о веке Ре-

формации³⁶. В тени этого движения утвердилось и еще одно – Реформация церкви; мало того что она требовала вернуться к основам Библии – прежде всего нужно было приобщить людей к вере времен Христа, а именно – креститься во взрослом возрасте, полностью сознавая все значение этого священного акта.

И появились анабаптисты. Их преследовали, пытали, казнили, и большинство бежало в другие страны. Меннониты, амиши, гуттериты спасались в Восточной Европе и Новом Свете. Посланники Господа, более или менее защищенные своим вином, остались. И в течение пяти веков держались в стороне от брэнного мира тех, кто не жил согласно заповедей Христовых. Они избрали для себя сознательную изоляцию (по-немецки: *Meidung*), основанную на стремлении жить в чистоте, вдали от государства, политики и даже Церкви, скомпрометировавшей себя жадой светской власти. Век за веком жили они в Обители, и каждый новый век подходил на предыдущий. Вино, преследования властей, строгий образ жизни... И все-таки в двадцатом веке появилась личность, возглавившая это сообщество, которое не знало вождя целых четыре века.

Отто Ланц был не вождем, а скорее реформатором и со-

---

³⁶ Имеется в виду XVI в. и первая половина XVII в., когда процесс реформирования западного христианства привел к появлению в Европе двух лагерей – католиков и протестантов. Основными лидерами Реформации были Лютер и Кальвин. Одной из отличительных черт их последователей – меннонитов, амишей, гуттеритов – являлась жизнь в общине и общность имущества.

единял в себе самые противоречивые качества. Во-первых, он не происходил из исторически сложившихся семей анабаптистов. Это был чужак, мирянин. Далее: он был живописцем, что противоречило принципам этого сообщества, отрицавшего любые изображения и любое личное мнение. И наконец, он был агрессивен.

Правда, он не проповедовал войну – только стойкость. Именно он обнес Обитель надежной изгородью и создал нечто вроде «территориальной полиции», призванной охранять границы их тесных владений. И он же, тщательно изучив французские законы, выстроил целую систему правил, легально защищавших Обитель и ее жителей от вторжения внешнего мира.

Ньеман понимал, что следует покопаться в прошлом этого авантюриста, но у него не хватило духа заниматься этим в такое позднее время. Он взглянул на часы: полночь, а Ивана все еще не позвонила. Но беспокоиться не стоило: вполне возможно, что после трех дней изнурительной работы на винограднике она просто выбилась из сил, вот и все.

Ньеман решил, что и ему пора на боковую. Он принял душ в кабинке, похожей на стоячий гроб, включив максимально горячую воду. И несколько минут спустя уже лежал в темноте с чувством полнейшей внутренней пустоты. Его кожа все еще горела от обжигающего омовения, и ему чудилось, будто он превратился в бездонный кратер. Мысли путались, блуждая между явью и сном.

И в этом промежуточном состоянии ему вдруг явственно вспомнилась одна вещь. Когда-то давным-давно он попытался выучить японский язык – неизвестно зачем. Культурные притязания Ньемана, принципиального самоучки, всегда возникали хаотически. В один прекрасный день он увлекался современной архитектурой. В другой – композитором по имени Шарль Кеклен³⁷. В третий – протестантизмом... Эти увлечения далеко не заходили, но все лучше, чем ничего.

Так вот, однажды он загорелся мыслью учить восточные языки. Японию он совсем не знал, и японская культура не так уж привлекала его. Зато его буквально зачаровывали причудливые иероглифы кандзи³⁸. В них ему виделась – вернее, он надеялся увидеть – другой образ мира, символика, которая подарит ему, если он ее освоит, новый образ реальности (в тот момент ему было уже тридцать лет и он успел основательно хлебнуть жестокости улицы). Но через несколько месяцев он это дело бросил: трудно посещать вечерние курсы, когда весь день следишь за насильником-мультирецидивистом или за убийцей, который уносит головы своих жертв домой, чтобы там, на свободе, заниматься фелляцией.

---

³⁷ Кеклен, или Кёхлин (Koechlin), Шарль (1867–1950) – французский композитор, музыковед и общественный деятель.

³⁸ В японском языке для записи используются сразу три вида письменности одновременно – хирагана, катакана и кандзи. Последняя система заимствована из китайского языка – для обозначения одним иероглифом целого слова или понятия.

От этого периода у него осталось в памяти только одно кандзи, означавшее реку. Вертикальная черточка, рядом вторая, покороче, – это были берега. А между ними стояла третья, совсем коротенькая, – река. Этот иероглиф и сам по себе выглядел великолепно. Но было у него еще одно достоинство: вдобавок он символизировал семью – вернее, спящую семью. В первые годы жизни своего ребенка родители-японцы кладут его спать между собой, и этот иероглиф обозначает всех троих: отец и мать подобны берегам, защищающим своего малыша – речку...

Отчего ему сейчас вспомнилось это кандзи, единственный знак во мраке забвения? Ведь у него самого не было ни жены, ни ребенка. Он был неполным кандзи. Одинокой черточкой. Вот почему Ивана Богданович стала ему так дорога. Она не была ни его вторым берегом (женой), ни речкой (ребенком) – и все же чуть-чуть обоими сразу, неким присутствием, мешавшим ему стать зияющей пустотой над бездной, делавшим его более человеческим, более добрым существом. Человеком, который мог позаботиться о юной девушке, попавшей в беду, но также и согреться рядом с ней, когда его внутренний холод достигал температуры вечной мерзлоты.

Ньеман уже погружался в сон, но внезапно вздрогнул и схватился за мобильник, чтобы в последний раз проверить, нет ли вызова. Вызова не было. Он увидел лишь отражение собственного лица, окруженного темнотой и одновременно

озаренного мерцанием экрана – миллиардами жидких кристаллов уныния и тоски. Только тогда он сдался и заснул, продолжая даже во сне спрашивать себя: почему... ну почему она не позвонила?

Боль в коленях.

В суставах.

Во всем теле.

Когда Ивана проснулась, она почувствовала себя еще более усталой, чем накануне. При одной мысли о возвращении на виноградник хотелось блевать. И это не считая сонного кошмара, который все еще гнезвился у нее в мозгу, – той жуткой хари, ощетиненной клыками, и того шепота. *Das Biest...*

Утренний подъем в лагере представлял собой строгий ритуал: нужно было встать, заправить постель, принять душ (мыло кустарного производства пахло землей, свежескошенной травой и еще чем-то пряным, похожим на ладан), затем натянуть свежую рабочую одежду (она тоже испускала какой-то растительный запах, но с примесью гари).

И сразу же после этого Ивана вместе с другими сезонниками очутилась в большой палатке с электрическим освещением, за столом, где их ждал обильный завтрак. Нужно признать, что кормили здесь великолепно.

Особенно на ее вкус – она была веганкой.

Благоговейно, как монахиня за молитвой, Ивана принялась за ячменные хлебцы и полбу, добавив к этому кукурузный пудинг. Единственная проблема: анабаптисты предлага-

ли работникам также пироги с салом, копченую ветчину и масло: ешь – не хочу...

– Ну, как спалось? – спросил Марсель, уселся рядом и, не ожидая ответа, проворчал: – А у меня башка раскалывается. Это от той отравы, которую мы вчера смолили. Вот уж дерьмо так дерьмо!

И он начал жаловаться на все подряд – на боли в спине, на ломоту, на расстройство желудка. Потом перешел к зарплате (не такая уж она завидная!) и к соцобеспечению (ну просто жалкое!).

– Мы ж все-таки люди, не скоты, черт подери!

Ивана его не слушала. Она смотрела на стоявший перед ней стакан молока, чья белизна так контрастировала с пестротой варений и джемов – их яркие, насыщенные, глянцевые цвета образовывали богатую палитру красок на столе. И казалось, все это исходит из одного источника, источника чистоты.

Вот что и пленяло ее в Обители – идеальная слаженность ансамбля. Золотистый виноград и черные одежды, рыжие бороды и белые воротнички, медленные жесты и беззвучные молитвы – все это было порождением одного и того же источника, подобия волшебного кристалла, испускавшего сперва слабый, а затем ослепительный свет – свет Божий...

Решившись наконец, она схватила стакан и залпом осушила его. Ощущение прохлады во рту сменилось целой гаммой других, слишком тяжелых для ее желудка, и горьким

привкусом святотатства: веганы не имеют права потреблять продукты животного происхождения. Она сомневалась, что сможет переварить такое – и в прямом, и в переносном смысле этого слова, но приятный холодок в горле внушил ей намерение сегодня же повидаться с Рашель. Увидеть ее и спросить.

Ньеман проспал всего несколько часов – да и то вполглаза, борясь с кошмарами, в которых мертвецы сосали камни, – и проснулся в полном смятении, с тяжелой головой.

В шесть утра он спустился на первый этаж, там не было ни души. Ему не удалось включить кофе-машину ресторана. Прихватив пальто, он решил прогуляться и осмотреть город. И Бразон ударил ему в голову, как стальная баба в дом, идущий на снос.

Он мгновенно все вспомнил. Но это были не те воспоминания, к которым он готовился. Ни страшного пса, ни брата-шизофреника, ни пыток с применением клыков или тормозного троса. Всего лишь обрывки эпизодов из детства, которые не делали его ни счастливым, ни несчастным.

Ньеман никогда не знал легкости бытия раннего детства, незамутненной радости мальчишки, живущего одним днем. Его всегда мучила какая-то глухая тоска, беспричинная тревога. По поводу настоящего, будущего, смерти или еще чего-то неведомого... В конечном счете именно работа в полиции подарила ему определенность, стабильность – жизненный путь. Некоторые люди, дабы обрести устойчивость, прибегают к алкоголю, наркотикам, анксиолитикам³⁹. Его лекарством было расследование преступлений.

---

³⁹ *Анксиолитик* – препарат, устраняющий состояние тревоги.

Бразон ничем особенным не выделялся. Он походил на Гебвиллер и на все прочие мелкие городки этой долины – дремотные, тесные, как плохо сшитый костюм, и трогательные, как памятник павшим. Еще не рассвело, и Ньеману мало что было видно, но он не глядя угадывал близость кафе с табачным киоском, тускло-серое здание мэрии, магазинчики самообслуживания с полупустыми полками.

Зато перед отелем его ждал приятный сюрприз – Стефани Деснос в безупречно сидящем мундире и с улыбкой, стоившей всех завтраков на свете.

Не грусти, Ньеман, жизнь не так уж печальна...

– Кофе? – предложил он, переводя дух после своей утренней прогулки.

– Спасибо, сойдет и так.

– Ну что, есть подвижки? – спросил он, растирая руки, чтобы согреться.

– Эксперты из ТПС уже приехали в часовню и начали снимать отпечатки.

– Супер! Но сначала они должны все передать в «Bluestar»⁴⁰. Сегодня ночью мне звонил наш эскулап. Оказывается, Самуэль погиб ДО обрушения кровли.

– Вот как?! Значит, Циммерман изменил свои показания?

– Да что с него взять – клоун! Теперь уже слишком позд-

---

⁴⁰ «Блюстар» (англ.; букв. Голубая звезда) – компания, основанная в Монако в 2000 г. Является производителем и поставщиком продукции BLUESTAR® FORENSIC – реагентов, широко используемых криминалистами для выявления скрытых следов крови.

но, чтобы вызывать другого спеца или эксгумировать труп. В любом случае я уверен, что, если мы обратимся к «Bluestar», нас ждут сюрпризы. Хорошенькие такие сюрпризы.

– То есть печальные?

– Не играй словами, – возразил Ньеман, все еще вздрагивая от холода. – Ты уверена, что не хочешь кофе?

Зал ресторана ожил, хотя это было сильно сказано. Но лампы уже горели, а за стойкой бара суежилась юная официантка. Под охотничьими трофеями – звериными головами, развешанными по стенам, – витал аромат кофе, в общем-то вполне ободряющий.

Ньеман провел короткую беседу с молоденькой служащей, состоявшей при кофе-машине и ловко управлявшейся с ней. Он заприметил эту девушку еще вчера. Прожив на свете полвека, он сохранил вкусы и желания своих двадцати лет, просто они стали несколько утонченнее, словно сапфировая игла звукозаписывающей аппаратуры в сравнении со стальной.

– Эй, Ньеман, вы меня слушаете?

– Что? Да-да, извини.

Они сидели у стойки, опираясь локтями на сверкающий цинк, прямо как в вестерне.

– Так что ты говорила?

– Я рассказывала об опросе жителей...

Кофе поспел. Его аромат проник ему в кровь и сразу согрел.

– Мы начали опрос прямо на рассвете, но, с учетом

местной топографии, надежды мало. Вокруг Обители всего несколько отдельных ферм. Да и те стоят вдалеке от департаментской трассы. Поэтому у нас нет никаких шансов, что люди могли кого-то увидеть на шоссе.

– И никто не работал в поле?

– Это посреди ночи-то? Нет, бросьте эту затею, Ньеман.

– А сезонники?

– Придется просить разрешения.

– У кого?

– Ньеман, вы знаете законы не хуже меня: мы имеем право опрашивать рабочих только по очереди, одного за другим. Чтобы сэкономить время, придется это делать прямо там, на винограднике. А если вы захотите попасть в Обитель, нам понадобится разрешение ее хозяев...

Ньеман не ответил. Он всегда пренебрегал подобными формальностями, но прекрасно понимал, что здесь не Париж и Шницлер его не поддержит.

– И все же мы с коллегами кое-чего добились, – продолжала Деснос. – В списке URSSAF⁴¹ нам удалось найти имена сезонников – ведь даже Посланники обязаны сообщать данные о своих наемных рабочих. Теперь мы проверяем, нет ли там сведений о прошлых судимостях.

«Прекрасная идея, лапочка!» – чуть было не сказал Нье-

---

⁴¹ URSSAF (*фр.* Union de Recouvrement des Cōtisations de Sécurité sociale et d'Allocations Familiales) – организация, занимающаяся выплатой социальных и семейных пособий, созданная в 1960 г.

ман, но в последний момент прикусил язык. Он не хотел, чтобы его уличили в фамильярности и, пуще того, в дискриминации женского пола.

– А как с бригадой строителей?

– Это у нас запланировано на сегодняшнее утро.

Ньеман понимал, что Деснос проработала всю ночь, и испытывал от этого странное удовлетворение, даже угрызения совести. Она носила обручальное кольцо и, наверно, вела мирную семейную жизнь где-нибудь в этих местах, с мужем, ребяташками и семейным «рено-кангу». Честно говоря, ему нравилось отравлять мирное существование своих коллег – так озорной мальчишка разрушает в сквере песчаный замок товарища по прогулкам, – хотя потом всегда корил себя за эти выходки одинокого тирана.

– Ладно, – сказал он, поставив чашку на стойку бара. – А теперь давай-ка лично допросим начальника стройки. Ты знаешь, где он сегодня трудится?

Стефани перелистала свой блокнотик:

– Он руководит другими работами в ста километрах отсюда, в Сен-Франсуа-де-Поль, это около Липштайна, в департаменте Нижний Рейн. Там есть довольно известная церковь, и...

Ньемана даже растрогали эти прилежные записи в блокнотике, и он дружески похлопал ее по плечу:

– Тогда в путь!

– Ты куда это наладилась? – спросил Марсель, увидев, что Ивана крадется между рядами виноградных лоз к Посланникам, собиравшим урожай чуть дальше. – Сезонники должны работать только здесь.

– Вот как? – спросила она с наигранным удивлением. – А я предпочитаю работать вон там, в тенечке.

– Да сегодня и солнца-то не видно.

– Ты идешь со мной или нет?

Марсель не ответил, но стал пробираться между лозами следом за ней. И они дружно взялись за работу, с секаторами в руках и корзинами за спиной. На Марселя нашло вдохновение: он непременно хотел объяснить девушке, что собой представляет гевюрцтраминер. Это вино из северного винограда, стойкого к осеннему холоду и даже к зимним заморозкам; поздний сбор придает ему особую сладость, превращая почти в ликер. Гевюрцтраминер пьют как аперитив, подают к десерту и в новогодний вечер... Но можно также почтить им азиатскую кухню.

– Например, глазированная свинина с вином из Обители – это что-то с чем-то!

Ивана его не слушала. Она презирала вино. В этой страсти к выпивке ей виделась вся нелепость существования какого-нибудь буржуа, кончающего в своем винном погребе,

среди бутылок, свою дурацкую, никчемную жизнь.

Зато она внимательно прислушивалась к разговорам Посланников, работавших в двух рядах от нее. Хотя какие там разговоры: они практически не раскрывали рта. А если и раскрывали, то это был старонемецкий, которого она совсем не понимала.

Тем не менее она любовалась самим зрелищем их работы – скупыми, точными движениями, с которыми они срезали грозди, внимательными взглядами, безмятежными лицами... Несмотря на тяжелый труд, выглядели они безупречно. Чепцы для молитв и соломенные шляпы сияли белизной, хотя черная одежда производила мрачное, похоронное впечатление.

А вокруг расстилалась эльзасская равнина, озябшая, дрожащая. Слабенький небесный свет, казалось, из последних сил пробивался сквозь облачную пелену. Ивана сама себе дивилась: будучи горожанкой до мозга костей, она тем не менее с удовольствием озирала эти бескрайние, безмятежные просторы, где пахло землей, веяло прелым ароматом сухой листвы. Прекрасное зрелище...

– Ты что творишь?!

Ивана вздрогнула: оказывается, задумавшись, она срезала не кисти ягод, а саму лозу.

– Что это на тебя нашло? – спросил Марсель, подойдя и глядя на то, что она натворила. – Да с тебя голову снимут за такие дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.